

Евгений СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**СЛОВО
ВАРЯГА**

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Слово Варяга

Серия «Варяг»

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167861
Сухов Е. Е. Слово Варяга: Роман: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-18990-4*

Аннотация

Слово Варяга – закон. Если уж он обещал корешу, сидящему в тюрьме, что найдет убийцу его дочери, то убийца будет найден. Но искать придется серийного убийцу, проще говоря – маньяка. А маньяк непредсказуем, неуловим и, кроме кровавого, не оставляет других следов. Ищет его и милиция. Майор Чертанов даже обнаружил свидетельства того, что убийца принадлежит к какой-то особо извращенной секте. А это уже зацепка, уже след. Торопится Варяг, спешит Чертанов – кто первый взглянет в глаза упырю. Вроде бы взяли одного, потом другого, но ритуальные убийства продолжают происходить с какой-то нечеловеческой методичностью...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	46
Глава 4	74
Глава 5	97
Глава 6	109
Глава 7	154
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Евгений Сухов

Слово Варяга

Часть 1

ОПАСНАЯ ЗОНА

Глава 1

«ПОДСНЕЖНИК»

Такие трупы называют «подснежниками». Есть в этом какая-то горькая ирония. Едва припекло солнышко, так тут же уже проклюнулись покойники среди почерневших сугробов.

Первыми на мертвяков, как правило, натываются беспечные любители длительных прогулок да вездесущая крикливая пацанва. Прогулка серьезно омрачается, когда натыкаешься на сугроб, из которого торчит вывернутая голова или босые почерневшие ступни. Весьма угнетающее зрелище.

Чертанов отошел от трупа и посмотрел на свидетелей.

Мужчина и женщина, обнаружившие труп, на первый взгляд выглядели странно: он крепкий мужчина тридцати пяти – сорока лет, она, похоже, вчерашняя школьница. Трудно с первого взгляда определить глубину их чувств, но то,

что забрели они в лесопосадку близ Дмитровского шоссе, далеко не случайно – факт! Хотя, если вдуматься, ничего особенного тут нет: у мужиков в определенный период (а дядька как раз находился на том самом рубеже) от кипящих гормонов частенько сносит крышу. Прошлое представляется цепью бессмысленных поступков, возникает желание как-то выправить личную жизнь. Предпринимаются даже серьезные попытки кардинально поменять ее, двадцатилетние девушки у каждого полинявшего плейбоя вызывают небывалый сексуальный аппетит. Человек идет на все, чтобы завоевать юную прелестницу. Подобные потуги у некоторых вызывают усмешку, у иных сочувствующую улыбку. У некоторых даже зависть, вот, мол, мне этого не дано, а он сумел! Мужик всегда остается самцом, и ничего тут не поделаешь, так предназначено природой. А девиз подавляющего большинства мачо – «чем моложе, тем лучше». Возможно, чисто интуитивно мужчина начинает ощущать, что подобная связь должна вдохнуть в его подуставшее тело новый прилив сил, который поможет не только поддержать общий тонус, но и позволит утвердиться внутреннему «я». Дескать, есть еще порох в пороховницах!

Чаще всего в подобных ситуациях участвуют молоденькие женщины из ближайшего окружения мужчины, непосредственно зависящие от них: секретарши, лаборантки и просто хорошенькие сотрудницы. Зазорной подобная связь не считается, а многие девицы воспринимают ее как своеобразный

трамплин в профессиональной карьере. Если сейчас опросить парочку на предмет их служебного положения, то наверняка выяснится, что мужчина является одним из руководителей какой-нибудь крупной фирмы, а девушка – рядовая сотрудница. Но спрашивать Чертанову не хотелось, во всяком случае, не сейчас. Не время! Им и так досталось... Вместо приятной прогулки вдали от чужих глаз им пришлось созерцать полуразложившийся труп, а потом еще терпеливо дожидаться наряда милиции. На такой поступок отважится не каждый, надо отдать им должное. В таких ситуациях обычно звонят откуда-нибудь из автомата и просто сообщают, где находится труп, и тотчас вешают трубку. А вот эти сумели запастись терпением.

Чертанов посмотрел на мужчину. На первый взгляд тот производил благоприятное впечатление: не нервничал, держался спокойно, с каким-то внутренним достоинством, чувствовалось, что он знал себе цену. Девушка, не стесняясь посторонних взглядов, жалась к его плечу. Ну, право, как родные! Сильный породистый самец – это заметно с первого взгляда. Надо отдать ему должное, такие встречаются не на каждом шагу. Странно, почему его потянуло гулять с девушкой в столь незатейливом месте. Судя по добротному пальто и по «Мерседесу», стоящему на обочине, он не бедствовал и мог бы без особого труда снять номер в какой-нибудь дорогой гостинице. А может, мужику просто захотелось экзотики? Так сказать, совокупиться в неформальной обстанов-

ке? Подобных любителей тоже хватает. Кровать, кресло автомобиля, стол в кабинете – все это привычно и уже не является возбуждающим фактором. А здесь – нестандартная обстановка, да еще всегда присутствует риск быть кем-то замеченным. А такие вещи только подстегивают желание.

Мужчина стойко выдержал изучающий взгляд Чертанова и даже хмуровато улыбнулся: дескать, заглянул в лесок для удовольствия, а натолкнулся на жмурика.

– Вы сразу заметили труп? – спросил Чертанов.

– Почти сразу, как только отошли немного в сторону, – негромко ответил мужчина.

Подразумевалось, как только сошли с дорожки. Следовало задать резонный вопрос, а для чего, собственно, свернули? Не проще ли прогуливаться по утрамбованной тропинке, чем вот так продираться по рыхлому снегу? Но Чертанов не стал уточнять.

– И кто же из вас заметил это первым?

– Я, – помешкав, произнесла девушка.

Голосок у нее был приятный. В общем, всецело соответствовал внешности. Общее приятное впечатление смазывала только улыбка, в подобной ситуации казавшаяся чересчур раскованной. Но это могло быть просто от нервов. Ведь, в конце концов, не каждый же день барышне приходится наткаться на трупы.

– Вам не было страшно?

Глупый, конечно, вопрос, но Чертанову хотелось знать,

как поведет себя девушка. Не растерявшись, она посмотрела на своего кавалера и уверенно ответила:

– Нет.

Напрашивался вывод, что между этими людьми существуют очень серьезные отношения. И этот невозмутимый дядька оберегает ее не только в служебной обстановке, но и, так сказать, в быту. А это уже чувство. И, возможно, крепкое.

– Если мы вам не нужны, то мы поедem, – мужчина подчеркнуто посмотрел на часы. «Ролекс», – мысленно отметил Чертанов. – Мы и так здесь уже торчим очень долго... Знаете для нас это совершенно незапланированная задержка. У меня срываются очень важные встречи. Намечаются очень серьезные контракты, и я бы не хотел их упускать. Тем более что люди ждут... А то получается, что мы сообщили в милицию об этой страшной находке и еще сами оказываемся в роли пострадавших.

– Да, конечно. Ваши данные у нас записаны? Знаете, мало ли чего?

Мужчина удивленно поднял брови:

– Что вы имеете в виду?

Чертанов слегка улыбнулся:

– Могут возникнуть кое-какие вопросы формального характера.

– А-а, вот оно в чем дело... Наши данные переписал вон тот молодой человек, – показал он на Захара Маркелова, стоящего в стороне с измерительной лентой в руках.

– Скорее всего, дело буду вести я, – вздохнул Чертанов. – Моя фамилия Чертанов. Михаил... Звание – майор.

Мужчина согласно кивнул:

– Ну, хорошо... Сергей Иванович Уманов. Генеральный директор компании «Атлант».

– Чем же занимается ваша компания?

– Всем понемногу. В основном ремонтирую здания, – сдержанно ответил Уманов. Было заметно, что распространяться на эту тему он не желал.

– Понятно, – протянул Чертанов. – Бизнес.

– Именно так.

Настал тот самый момент, когда из свидетеля приходится тянуть слова клещами. Не нужно быть наивным и надеяться, что он «колонется» и охотно начнет рассказывать о том, за какие деньги он приобрел такую прекрасную машину.

– А вы, простите, кто будете? – повернулся Михаил к девушке.

– Я работаю на фирме у Сергея Ивановича, – негромко, с заметным достоинством произнесла девушка.

– Да, конечно, – несколько рассеянно протянул Чертанов. Девушка ему нравилась. Невольно возникал вопрос, почему с такими вот пузатыми кобелями встречаются этикие длинноногие нимфы. Не то чтобы очень завидно, но просто невольно начинаешь думать о том, что мир устроен как-то немного несправедливо. – Можете идти, – разрешил Чертанов, пожав на прощанье руку Уманову. Ладонь у того оказа-

лась пухлой и совершенно вялой.

Проводив странную пару долгим взглядом, Чертанов повернулся к подошедшему Маркелову:

– Удалось что-нибудь выяснить?

Капитан удовлетворенно кивнул:

– Кое-что проясняется. В ста метрах от этого места, вон на том пустыре, – показал он взглядом, – нашли окровавленный женский костюм.

– Далековато, – высказался Михаил.

– Да... Судя по всему, костюм принадлежал потерпевшей. Во всяком случае, размер совпадает. А потом, трудно предположить, что его просто кто-то выбросил. Вещь дорогая, совершенно не ношенная...

– Выбросила и пошла в город в одних трусах и лифчике? Что-то не вяжется, – согласился Михаил.

– Вот именно. Кстати, женщина была одета в какую-то черную рубашку, явно не по размеру. В кармане костюма обнаружен студенческий билет на имя Копыловой Марии Федоровны. Возраст – девятнадцать лет. Мы тут пробили по нашим данным. Действительно, женщина с таким именем пропала осенью прошлого года. Из показаний матери следует, что она отправилась к подруге, и с тех пор ее больше никто не видел. До подруги она так и не добралась. Остается только предъявить труп на опознание.

– Никуда не денешься, будем приглашать, – задумчиво протянул Чертанов. – По предварительным данным, значит,

получается так, убивал он свою жертву где-то в ста метрах отсюда.

– Да, там же и раздел ее.

– Но почему же он перенес труп сюда? Мог бы и там его оставить. Тебе не кажется все это немного странным?

Капитан Маркелов пожал плечами. Он и сам задавал себе подобный вопрос, но ответа не находил. Захар уже успел проработать в отделе убийств семь лет и мог припомнить случаи, когда жестокие насилия совершались в квартирах, после чего расчлененный труп в обыкновенных полиэтиленовых пакетах перевозился в багажнике легкового автомобиля. Но в подобных эпизодах действия душегубов поддавались самой элементарной логике, они не желали, чтобы их преступление было раскрыто, и были вынуждены рисковать: везти останки по городу, чтобы спрятать жертву в укромном месте. А тут? Кроме сосен, ничего и нет. Ведь не из чувства же эстетизма убийца перетащил труп!

– Действительно, это как-то не укладывается в привычную схему. Обычно убийца не возится со своими жертвами. Оставляет на месте убийства. Ну в крайнем случае закопает здесь же, чтобы не нашли... А может, его кто-то спугнул? – несмело предположил Маркелов.

– Если его спугнули, тогда тем более он оставил бы свою жертву на месте преступления и убежал. А ведь он ее закопал! Мы бы так никогда ничего и не узнали, если бы бродячие псы не раскопали. Здесь их полно! Да вот эта любве-

обильная парочка, – кивнул Чертанов в ту сторону, куда удалился Уманов со своей спутницей. – Мне кажется, что он оттащил сюда эту девушку, чтобы ему никто не помешал. Как говорится, мало ли... Но вот что он собирался с ней делать? Если мы поймем это, то отыщем ключ и к разгадке самого убийства.

На место происшествия уже прибыл Кирилл Балашин из экспертно-криминалистического центра. Не теряя времени на разговоры, майор вытащил из портфеля какие-то замысловатые инструменты и приступил к работе. Въедливый, как червь, и необыкновенно педантичный, Кирилл едва ли не на брюхе ползал на месте преступления, выискивая возможные улики. Лицо его при этом оставалось замкнуто-бесстрастным, трудно было понять, что именно он укладывал в пластиковые пакеты. Иногда кто-то из присутствующих не выдерживал и пытался что-нибудь спросить у него, но, не особенно выбирая выражения, невзирая на высокие чины, Балашин отгонял всякого, кто пробовал вторгнуться на его территорию. А потому начальство, не особенно сетуя, стояло в сторонке, покуривая, и терпеливо дожидалось первых результатов.

Место происшествия изучали с особой тщательностью, разбивали слежавшиеся ледяные глыбы и терпеливо просеивали их через сито, опасаясь пропустить хоть что-нибудь. Были обнаружены три пуговицы, одна маленькая, очевидно от бьющего, две другие покрупнее – темные. Возможно,

от мужского костюма. Тщательно упаковав их в пластиковые пакеты, Кирилл уложил пакеты в сумку, где уже лежало множество всяких предметов, обнаруженных ранее. Профессионализм криминалиста и его бригады невольно внушал уважение. С первого взгляда было понятно, что парни знают свое дело и что с подобными вещами им приходилось сталкиваться не однажды. Майора Балашина никто не подгонял, а он не спешил. Если обследование места убийства затянется, то ничего страшного не произойдет, подведут прожектора, и работа продолжится в прежнем режиме.

Присев на корточки, Балашин рассматривал небольшой узкий предмет, вмерзший в песчаный грунт. Внешне он напоминал хлястик от пальто. Не исключено, что найденная ранее пуговица была именно от него. Эксперт и техник-криминалист научились понимать друг друга с одного взгляда. Достаточно было Балашину заинтересоваться каким-то предметом, как техник тут же фотографировал этот объект. Уже не первый год в крепком тандеме они выезжали на место происшествий, а потому умели работать слаженно, без лишних разговоров.

Рядом с экспертом работал еще один сотрудник – из отдела идентификации неопознанных трупов. Это был мрачного вида дядька (собственно, удивляться не стоит, подобная работа к веселью не располагает), в коротком кожаном пальто и в резиновых, по самый локоть, перчатках. Несмотря на заметный холод, он был без головного убора, и оста-

валось только удивляться его выносливости. Звали его, как припомнил Михаил, Василий Нестерович Тузов. О его профессионализме ходили легенды. Так, например, утверждали, что, взглянув на череп, он мог тотчас нарисовать портрет покойника. Сейчас он терпеливо снимал с трупа отпечатки. Дело нехитрое и привычное.

– Подойти можно? – спросил Чертанов.

Балашин очистил от снега хлястик, осторожно положил его на ладонь и показал пальцем:

– Вот только с этой стороны. Мы тут расчистили. А с этой еще не трогали.

Девушка была обнажена, она лежала, вытянувшись во весь рост. Она, наверное, раньше была красивой. Применительно к трупу подобное прилагательное просто неуместно. На шее у нее была затянута какая-то тряпка. Очевидно, именно этой удавкой она и была задушена. Присмотревшись, Чертанов увидел, что это был бюстгальтер. Надо признать, не самая удобная вещь, чтобы произвести удушение. Куда сподручнее, например, длинная веревка. Напрашивается простой вывод: преступник был крепким и сильным.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Михаил у Балашина, после того как тот упаковал хлястик.

– Убийство необычное... Тут много непонятного, – откровенно сказал Балашин. – Хотя, как ты сам знаешь, на трупы я посмотрелся предостаточно.

– А поконкретнее можешь?

– Посмотри на правую кисть, – показал Балашин.

Чертанов сделал еще один шаг и присел. Правая кисть девушки была изуродована, точнее, на ней отсутствовал безымянный палец.

– И что с того? Какие тут могут быть выводы? – удивленно спросил Чертанов.

– Так вот, смогу сказать совершенно точно, что палец был отрублен после того, как девушка была задушена. Тебе это не кажется странным?

– Действительно, странно, – согласился Михаил. – А может, у нее на пальце был какой-нибудь дорогой перстень? Вот он и отрубил палец?

Балашин отрицательно покачал головой:

– Не думаю. Зачем ему тогда нужно было ее раздевать? Затем надевать на нее какую-то черную ночную рубашку? Если бы он хотел только изнасиловать, то достаточно было бы сорвать с нее трусы.

– Тоже верно.

– У меня такое впечатление, что он взял отрубленный палец на память, – поднял Балашин на Чертанова строгий взор. – И еще вот что, ценности его совершенно не интересовали. В снегу мы нашли золотые женские часики, – кивнул он в сторону сумки с вещдоками. – Если это грабитель, то сначала у жертвы отбирается все самое ценное. А уже потом ее убивают...

Невдалеке раздался чей-то нервный командный окрик,

поднялась какая-то нервозная суета. Похоже, прибыло высокое начальство. Михаил посмотрел в сторону дороги. Так оно и есть, по грунтовке, стараясь не завалиться колесами в кювет, ехал черный «Мерседес» с мигалкой, – любимое детище начальника службы криминальной милиции. На рядовое убийство генерал-полковник не выезжает. Как говорится, не наездишься. В таком крупном городе, как Москва, за день их случается по меньшей мере пять-шесть. А значит, уже успели доложить, что дело не совсем обычное, вот он и решил взглянуть собственными глазами, чтобы иметь личное суждение.

В этом не было ничего особенного, генерал был еще молод, а потому не изжил в себе профессионального интереса. Надо отдать ему должное, он умел выделять наиболее сложные дела и никогда не забывал держать их под личным контролем. Не исключался и второй вариант: где-то неподалеку, в коттеджном поселке, проживала его старшая дочь, которая недавно вышла замуж. Возможно, генерал захотел обезопасить чадо от неприятностей.

Неожиданно от офицеров, стоявших небольшой группой, отделился полный человек в полковничьих погонах и быстрым шагом направился к подъезжающему «Мерседесу». Крылов! Вот это сюрприз! Начальство, понимаешь ли, находится где-то под боком, а Михаил даже не обратил внимание на его присутствие. Вот что значит увлечься работой.

Выслушав короткий доклад, генерал-полковник задал

Крылову пару вопросов. Лицо Крылова вытянулось, было заметно, что он взволнован. Чертанов много бы отдал, чтобы узнать, о чем именно зашел разговор. Все-таки нечасто замминистра выезжает на убийство, следовательно, за всем этим стоит нечто большее.

– И какие твои соображения? – повернулся Чертанов к Балашину.

Эксперт потер указательным пальцем переносицу. Было заметно, что ему есть что сказать, но торопиться майор не любил.

– Сначала надо бы сделать вскрытие тела, а уж там посмотрим.

Мягко хлопнула дверца «Мерседеса». Чертанов обернулся – автомобиль, разворачиваясь, съехал передними колесами в раскисший кювет. Снег рыхлый, машина может не выбраться. Но нет, все-таки прошла! Целый табун лошадок поднапрягся и без особого труда вытащил ее на грунтовку. А к месту происшествия уже торопился взволнованный Крылов. Неужели замминистра накрутил ему хвост? А поговаривали, что тот благоволит к Геннадию Васильевичу.

Остановившись перед самой ленточкой, он поманил к себе Чертанова:

– Подойди сюда!

Михаил понимающе кивнул и вышел из-за ограждения.

– Да, товарищ полковник.

– Знаешь, почему приезжал генерал-полковник?

Чертанов неопределенно пожал плечами, что должно было означать: дело-то барское, хочет – едет, а нет – сидит себе в кресле.

– В километре отсюда только что обнаружены еще два трупа. Женщины. Тоже удушение. Трупы лишь слегка присыпаны землей. Тела изуродованы, лица сильно обгрызены собаками. Трудно будет сказать, кто первая, но у второй были обнаружены права на имя Слободиной Вероники Егоровны... Она пропала в прошлом году, осенью, – уточнил Крылов. – Так что все эти дела взяты под личный контроль министра. Если в ближайшее время не разыщем убийцу, то с меня снимут стружку... Ну а я, разумеется, с тебя. Не обессудь! – сурово пообещал полковник.

Чертанов невесело хмыкнул, не сомневаясь, что так оно и будет.

Глава 2

ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ ВИЗИТ

Домой Михаил вернулся далеко за полночь. Дверь открыл своим ключом, негромко поковырявшись в замочной скважине. Оберегался он зря – Вера не спала. И это несмотря на то, что подниматься ей предстоит в половине шестого. В общем, она вела себя как образцовая жена, обеспокоенная долгим отсутствием благоверного. Но женаты они не были. Правда, условность в виде штампа в паспорте Веру совершенно не тревожила. Женщина жила под девизом: «Главное, что мы вместе!»

Никаких неприятных расспросов не последовало, не было и необоснованных упреков. Вера лишь поинтересовалась, не устал ли он. И, выслушав сдержанный ответ, поставила в микроволновку разогревать картошку с курицей. Черт побери, в гражданском браке есть свои положительные стороны. Как это не похоже на его прежнюю супружескую жизнь.

– Достань бутылку пива, – попросил Михаил, проходя в ванную.

И в этом пункте абсолютное понимание. Кивнув, Вера вытащила из холодильника бутылку «Жигулевского». Аккуратно вытерла запотелые бока бутылки. Чертанов был убежден, что стресс следует снять небольшой дозой алкоголя. Если не делать этого, то стресс накапливается, а потом прорывается

в виде самых разных конфликтов. Все-таки бутылочка пива размазывает негативное впечатление и делает мир значительно краше, чем он есть на самом деле. Совсем не случайно Петр Первый, великий реформатор, после посещения кунсткамеры велел выдавать посетителям кружку пива. Намотришься за сутки на покойников, так через месяц демоны чечетку в голове начнут отплясывать.

Чертанов прошел на кухню, где его уже дожидалась бутылка пива и горячая курица. Стараясь не взбалтывать пиво, он налил его в высокий бокал из толстого стекла. Этот бокал Михаил привез из Приморья лет десять тому назад и не забывал брать с собой в каждое свое новое жилище. В жизни Михаила случались времена, когда этот стакан был его единственным имуществом. В какой-то степени этот стакан был его талисманом. Вера из каких-то своих соображений никогда к нему не притрагивалась, и Чертанов всегда споласкивал его сам (что было едва ли не единственной его домашней обязанностью).

Пена в стакане поднялась высоко и долго не желала опускаться. В общем, было на что посмотреть. Первый глоток всегда самый приятный, а чтобы ощутить его во всей прелесть, полагается сначала съесть небольшой кусочек соленой рыбки. Вера вновь угадала его желание и выставила на стол неглубокую тарелку с кусочками семги. Ну, умеет женщина нравиться! Этого у нее не отнимешь. Ненавязчиво присела в сторонке, подложив под острые скулы узкую длинную ладо-

шку. С разговором не навязывалась, наблюдая с интересом за хозяином. По ее сверкающим глазкам было заметно, что его аппетит доставляет ей немалое удовольствие. В какой-то степени Вера была эстетом!

– Тяжелый был день, – наконец заговорил Михаил, одолев первый стакан. – Просто с ног валюсь!

– Произошло что-то ужасное?

Чертанов посмотрел на Веру. Целый день он шастал среди трупов, заглядывал в их ужасные разложившиеся раны и не мог подобрать всему этому нужного слова. А ей стоило только взглянуть на своего мужика, и она тут же с легкостью подобрала характеристику случившемуся.

– Вот именно... ужасное. На Дмитровском шоссе обнаружено три трупа молодых женщин, каждой из них не более двадцати лет. Похоже, их убил один и тот же человек, убийства объединили в одно делопроизводство. Меня назначили расследовать эти дела, а я даже не знаю, как к ним подступиться.

– За что же их, бедных? – вздохнула Вера, сопереживая.

Еще одна ее особенность, которая очень импонировала Чертанову. Прежняя женошка никогда не интересовалась его делами. Порой у него создавалось впечатление, что они проживают в разных пространственных и временных измерениях. А когда он приходил домой позже обычного, то благоверная смотрела на него с таким видом, как если бы он свалился на супружескую кровать из какой-нибудь галакти-

ческой туманности. Веру же интересовала любая мелочь, от оторванной на рукаве пуговицы до его взаимоотношений с начальством. Подобный интерес со стороны женщины к собственной персоне подкупал невероятно, тем более что это внимание никогда не ослабевало, а даже, наоборот, увеличивалось с каждым прожитым днем.

– Если бы я знал, – горько произнес Михаил, понимая, что одной бутылкой пива не обойтись.

А Вера, тонко почувствовав его настроение, уже выставила на стол вторую бутылку пива, такую же прохладную и запотелую.

Порой Вера представлялась ему безропотным существом, готовым исполнить любое его желание. Возможно, в таком ее поведении тоже была своя женская житейская мудрость. С точки зрения мужика, баба должна находиться в полной зависимости от него. Например, находясь в отвратном настроении, он может гаркнуть на нее, как на любимую собаку, и она, чувствуя немилость хозяина, должна виновато отойти в сторону, а не поднимать ответный хай.

Это очень тонкая материя совместного сосуществования мужчины и женщины.

Сейчас Вера выглядела необыкновенно сочувствующей ему. Глядя на нее, хотелось исповедаться. Плечи у нее узкие, худенькие, но если взвалить на них свои душевные переживания, то наверняка выдержат. Женщины куда более выносливый народ, чем мужики.

Халат у Верочки чуток распахнут, и в разрезе мелькает красивая крепкая грудь. Заметив взгляд Чертанова, она осторожно прикрыла свои прелести, тем самым давая понять, что сейчас не самое лучшее время для интима. Все деликатно, ненавязчиво и в самую меру.

– Какой кошмар! А установили, что это за девушки?

Вопрос был задан с милицейской точностью. Удивляться не стоит, пошел уже второй год, как она живет с сыскарем.

– Личности двух девушек установили. Одна Слободина, а другая Копылова. Кто третья – неизвестно.

– Как ты сказал? – неожиданно глухо переспросила Вера. Чертанов удивленно посмотрел на Веру:

– Копылова.

– Случайно не Мария?

– Верно, Мария... Копылова Мария Федоровна. А ты ее знаешь?

– Господи! Это же моя одноклассница, Маша. Она пропала еще в прошлом году. Ты бы не мог показать мне ее фотографию?

– Может, это все-таки не она, – попытался отговориться Чертанов. – Документы нашли метрах в пятидесяти от места убийства.

– Я должна взглянуть.

– Знаешь, все это очень неприятно. Я сам до сих пор вздрагиваю, когда вижу подобное.

– Я очень тебя прошу, – взмолилась Вера.

Сейчас был тот самый случай, когда приходилось согласиться. Материя, связывающая их в единое целое, натянулась. Требовалось всего лишь одно небольшое усилие, чтобы она начала трещать.

И все-таки Чертанов медлил.

– Пойми, Вера, это не свадебные фотографии. Глядя на эти снимки, даже у самых крепких мужиков слеза наворачивается.

– Михаи-ил, – протянула девушка с укором.

– Хорошо, – не скрывая неудовольствия, Чертанов потянулся к планшету, в котором лежало несколько фотографий. Отвернувшись, он выбрал одну, с его точки зрения, наиболее безобидную. Хотя какая тут может быть цензура! – Возьми, – протянул он снимок.

Лицо девушки было снято крупным планом. Длинные волосы, рассыпавшиеся веером, накрепко вмерзли в землю. И если не всматриваться в застывшие безжизненные черты лица, то можно было подумать, что их треплет ветер.

Вере хватило лишь секунды две. Вернув фотографию, она с ужасом произнесла:

– Боже мой!.. Это она. Как же теперь Екатерина Алексеевна это переживет?.. Ведь она все надеялась, что Маша жива. В церковь ходила, молилась, свечи ставила.

Лицо ее как-то посерело, будто бы она сама потеряла кого-то из близких. Приобняв Веру, Михаил постарался утешить ее:

– Поверь моему опыту, матери станет легче. Все это время она жила в мучительном ожидании. А тут хоть горькая, но определенность. Не дай бог кому-то пережить подобное!

– О чем ты говоришь! – неожиданно воскликнула Вера, протестуя.

– Все это так. Пустота, связанная с ожиданием дочери, заполнится скорбью. Появится место, куда можно будет принести в память о дочери цветы.

– Как все это ужасно!

– А где она работала? – В Чертанове заговорил профессиональный интерес.

– Маша?

– Да. Она ведь, как и ты, уже должна была закончить медицинский институт?

– Она и закончила. Работала в Первой психиатрической больнице. Психотерапевт. Мы с ней вместе должны были поступать в ординатуру. У нее очень непросто складывалась жизнь.

– Почему?

– Влюбилась в одного доктора, и неудачно.

– Врача, что ли?

– Доктора медицинских наук.

– И в самом деле, угораздило ее. Он, наверное, старый?

– Вовсе нет. Наоборот, очень даже молодой. Докторскую диссертацию защитил в тридцать три года. Большой умница. На него возлагали очень большие надежды. Но внезапно он

отказался от всего и ушел из института. А заодно порвал и с Машей. Объяснил ей, что не хочет портить жизнь хорошей девушке, потому что сам он неудачник и с ним ей всегда будет плохо.

– Ничего себе неудачник! – хмыкнул Чертанов. – Хотя, скорее всего, это только отговорка. Наверное, нашел себе какую-нибудь бабу поинтереснее, а твою подругу просто бросил.

Вера возмутилась:

– То-то и оно, что никого у него нет!

– Он сам ей об этом сказал?

– Да.

Чертанов невесело улыбнулся:

– Поверь моему опыту, мужики могут много чего наплесть, когда хотят расстаться с женщиной.

– Такую девушку, какой была Мария, оставить просто так невозможно...

– Это тебе только кажется!

– Она очень красивая. – И, чуть смутившись, Вера добавила: – Куда привлекательнее всех нас. – Чертанов улыбнулся. Слышать подобную оценку из уст девушки, считавшей себя едва ли не королевой, было очень странно. – Ведь Маша была «вице-мисс Москвы», а это кое-что да значит!

Чертанов неопределенно пожал плечами. На разного рода «миссок» ему пришлось насмотреться, разумеется, не в качестве зрителя.

– Возможно, – сдержанно отозвался он.

– Ей предлагали выгодные контракты за рубежом, но она отказалась.

– Почему?

– Характер у нее такой. Одно время она работала в одном московском агентстве моделью. Говорит, что это не для нее. В общем, не хотела. Предпочитала жить спокойно.

– И почему же этот доктор наук ушел из клиники?

– Поговаривали, что у него вышла ссора с заведующим отделением, где он работал. После этой ссоры работать им вместе было уже невозможно.

Увлечшись разговором, Вера, кажется, позабыла о фотографии.

– И где же сейчас работает это «научное светило»?

– Насколько мне известно, он полностью отошел от науки и теперь трудится в какой-то бригаде паркетчиков, по-моему.

– А как его зовут?

– Дмитрий Степанович Шатров.

Михаилу показалось, что он уже где-то слышал эту фамилию. Поднявшись, Черганов достал из холодильника еще одну бутылку пива. Уверенно откупорил. Крышка, сделав салто, улетела куда-то в угол комнаты. Следовало бы подобрать, но подниматься из-за стола не хотелось. Отпив глоток, Михаил вдруг обнаружил, что пиво совершенно горькое. Не с легкой горчинкой, какое он обычно предпочитал, а такое,

что буквально разрывало носоглотку. Теперь оно уже не пойдет – настроение было отравлено.

– Мне кажется, что я уже где-то слышал эту фамилию.

– Он человек известный... Как все это ужасно!

– Знаешь, что меня больше всего удивляет в этих убийствах? – негромко спросил Чертанов.

– Что?

– То, что преступники отрубали своим жертвам конечности...

– Что ты имеешь в виду?

– Этот разговор, конечно, не для стола. Но у Копыловой был отрублен палец. У Слободиной и третьей неизвестной девушки были обрублены уже правая и левая кисти. Я не удивлюсь, если в следующий раз у трупа не обнаружится головы.

– Какой кошмар! – всплеснула руками Вера.

– Ладно, пойдем спать, – поднялся из-за стола Чертанов. – Завтра утром мне нужно явиться на доклад к полковнику Крылову. Хотелось бы немного выспаться. Я очень устал.

Накопившуюся за день усталость неплохо снимает контрастный душ. Сначала тело следует размять упругими струями воды, а когда поры раскроются и кожа покраснеет, следует обдать ее колодезным холодом. Подобная практика неоднократно испытана, особенно хорош подобный рецепт во хмелю, алкоголь улетучивается с первыми же ледяными струями. Немного постояв под душем, Чертанов отправился

в спальню. Так оно и есть, Вера не разочаровала и в этот раз: кровать уже расстелена, а взор радуется свежее белье.

Так уж повелось у них с Верой: если Чертанов говорит, что устал, то она располагает в соседней комнате на диване, предоставляя Михаилу возможность как следует выспаться. Но в этот раз Чертанов испытал легкое разочарование, он совершенно не возражал бы, если бы Вера устроилась у него под боком.

Потушив свет, Михаил лег под одеяло, понимая, что в ближайший час ему не уснуть – его преследовали картинки прожитого дня. Он попытался расслабиться, но перед глазами всплывала кисть без пальца. Ему приходилось видеть вещи и поужаснее, но обрубки мертвого тела представлялись ему в тот вечер верхом злодейства.

Дверь неожиданно приоткрылась, и в комнату узким лучиком ворвался свет от ночной лампы. В дверном проеме он разглядел застывшую Веру. В легкой короткой полупрозрачной рубашке она казалась верхом совершенства. Особенно хороши были ноги, бесконечно длинные. Приятно было осознавать, что вся эта красота, совершенно недоступная чужому взгляду, предназначалась для него. Так сказать, эксклюзив.

– Ты не спишь? – прозвучал ее робкий голос.

Вера подошла поближе.

– Нет.

– Я тебе не помешаю? Мне просто захотелось побыть с

тобой рядом.

Чертанов притянул ее к себе.

– Какая же ты все-таки девочка... И совершенно бесхитростная.

Чертанов почувствовал ее тепло, которое сейчас было особенно обжигающим. Надо снять с Веры рубашку – совершенно лишняя деталь во время постельной сцены.

– Ты только не шевелись, – прошептала в ухо Вера, – я все сделаю сама.

Михаил улыбнулся:

– Принимается.

Вера вновь оказалась на высоте, угадав все его желания. Когда он, умиротворенный, блаженно вытянулся на свежей простыне, женщина свернулась у него под боком, чтобы потом, когда он окончательно уснет, тихонько уйти в соседнюю комнату.

* * *

Неожиданно Крылов решил перенести разговор на двенадцать часов. Это не очень устраивало Чертанова. На это время Михаил назначил опрос свидетелей, который он рассчитывал вести до самого вечера. Сейчас, буквально на ходу, приходилось перекраивать и ломать весь график. Но самое неприятное заключалось в том, что после вполне возможного разноса ему предстояло вновь опрашивать свидетелей, а

кислая физиономия, как известно, не способствует установлению доверительных контактов.

Оставшиеся до встречи с Крыловым два часа следовало потратить как-то рационально, не в смысле заглянуть в ближайшую рюмочную, а тщательнее подготовиться к предстоящему разговору.

Кривой не опоздал, тяжело плюхнувшись рядом на скамейку, он тотчас высказал претензии:

– Что за нужда, начальник? Можно было пересечься и позже. Распорядок-то у меня другой, я клопов до двенадцати давлю. А это время для меня – рань несусветная.

– И чем же ты тогда вчера занимался? – вяло поинтересовался Чертанов, даже не взглянув в его сторону.

– До самого утра крутился как белка в колесе. Сначала в кабаках гулял, потом в казино ошивался, девочек центровых на Тверской снял...

Чертанов хмыкнул:

– Силен, бродяга!

Кривой только отмахнулся:

– А! Это больше благотворительность. Мне за вечер и одной вот так хватило, – рубанул он себе по шее. – Надо же как-то девчонкам помочь! А то они выходят на работу все такие красивые да нарядные, а мужики мимо проезжают.

– Значит, ты альтруист? – серьезно поинтересовался Чертанов.

– Да вроде того, – в тон ему отозвался Кривой.

– Я вот удивляюсь, как у тебя на все времени хватает?

– Ты это о чем, начальник? – насторожился Кривой, осматриваясь вокруг.

В скверике царила безмятежность. Покой. Весьма милое местечко для прогулок и вообще чтобы просто посидеть, поговорить. Царившую здесь гармонию нарушал лишь рыжий лохматый пес, недружелюбно тявкнув, он устремился в центр цветочной клумбы и, деликатно присев, собирался напакостить. На столь интимное зрелище смотреть не хотелось, и Чертанов продолжил:

– Я вот что хотел сказать... Девочки с Тверской любят хорошие деньги. А ведь ты же у нас не просто какой-то там мацо, который засунул, вытащил, застегнул ширинку и пошел себе дальше. Так я понимаю?

Кривой широко улыбнулся:

– Разумеется.

– Ты же у нас женщин любишь заливать шампанским с головы до ног, закармливать деликатесами, чтобы потом им долго рыгалось.

Было заметно, что Кривой польщен столь высокой оценкой своей широкой натуры.

– Разумеется, начальник!

– А только ведь на все эти изыски и капуста нужна подходящая.

– Это верно, нужна, – Кривой мгновенно сделался серьез-

ным. – Только ведь и я на месте не сижу, как могу, так и кручусь. А что поделаешь, если жизнь такая скотская.

– Как бы ты, Кривой, не перекрутился. Вчера в «Метелице» у одного фраера лопатник тиснули, по всем приметам под щипача ты подходишь. На видеокамеру его засняли. Что ты мне на это скажешь?

Кривой натянуто улыбнулся:

– В «Метелице» был, верно... А к лопатнику никакого отношения не имею.

– А только ведь тот пустой лопатничек ты в урну швырнул, а пальчики свои на нем оставил.

Кривой судорожно сглотнул слюну. Чертанов рассеянно поглядел в сторону, пускай парень отдышится. Его взгляд вновь упал на рыжую дворнягу. Облегчившись, кобель старательно принялся закапывать плоды долгих усилий, подгребая под себя едва проклюнувшиеся весенние ростки.

– Так ты что, начальник, меня сюда для того вызвал, чтобы без особого шума браслетки нацепить? – обиженным тоном протянул Кривой.

– Ладно, расслабься, – успокоил его Чертанов. – Я это дело замаял.

– Спасибо тебе, – проникновенно вздохнул Кривой. – Век не забуду! Падла буду! Ты меня в который раз из-под кичи вытаскиваешь.

– Смотри у меня, Кривой, это не может продолжаться до бесконечности, когда-нибудь ты так вляпаешься, что и я не

сумею тебе помочь. А у меня к тебе разговор есть, конкретный...

Кривой заметно повеселел:

– Слушаю тебя, начальник.

– Ты что-нибудь слышал об убийствах девушек на Дмитровском шоссе?

Усмехнувшись, Кривой сказал:

– Сейчас об этом столько говорят, что даже глухой услышит.

– Можешь что-нибудь подсказать? – с надеждой посмотрел опер на Кривого.

– А чего тут скажешь-то! Банда какая-то работала, – пожал тот плечами. – Побалуются с девочками, а потом задуют. Забывают, твари, что девочки нам для удовольствия нужны. Перепихнулся ты с ней, ну не понравилась она тебе, так зачем же убивать-то?! – Гнев Кривого выглядел вполне искренним. – Так всех красивых баб можно перерезать. Что тогда другим останется?

– Кто это может быть?

– Наверняка какие-нибудь залетные... Может быть, «звери», – подумав, предположил Кривой. – Для них ведь ничего святого не существует. Мы здесь живем, а они сюда только гадить приезжают! А хватают кого? Нас! Тех, кто под рукой. – Обида Кривого тоже выглядела искренней. – Если ты на кого-то из наших намекаешь, так это зря. Наши, конечно, могут бабу завалить, но это в сердцах, когда дружба разла-

дилась. А чтобы замочить, а потом еще и пальцы рубить, – Кривой брезгливо поморщился, – это не про нас!

– Вот что, ты все-таки попробуй разузнай, что к чему. Может, что-нибудь и выплывет, – поднялся Чертанов.

– Хорошо, – поспешно согласился Кривой. – А за помощь, начальник, спасибо, я твой должник.

* * *

Чертанов вышел на Кутузовский проспект. Неподалеку отсюда находился офис Уманова. Почему бы не навестить? Тем более что до встречи с Крыловым оставалось больше часа.

Как оказалось, офис Сергея Ивановича Уманова располагался в огромном шестиэтажном здании, фасад которого был отделан темно-серыми гранитными плитами. Дом смотрелся фундаментально, казалось, он был вытесан из цельного куска скальной породы. Но Чертанов неплохо знал историю этого дома. В конце XIX века в нем располагалась дешевая гостиница, где любили останавливаться провинциальные артисты. Внизу размещалась конюшня, а потому весь дом до самого верхнего этажа был пропитан конским потом и навозом, а к зданию без конца подъезжали экипажи, всю ночь здесь стоял невообразимый грохот и раздавалась громкая ругань извозчиков. В правой половине здания размещался третьесортный публичный дом, куда любили заходить люди со

средним достатком и мелкие купцы. Запах навоза в таких делах не помеха, был бы интерес!

Зато сейчас в этом здании устроились филиалы сразу двух банков и огромный магазин, торгующий мехами. Офис Уманова находился в торце здания и начинался весьма помпезно, с высокого крыльца. У дверей в синей униформе стояли два крепких парня, на спинах которых огромными желтыми буквами было написано: «Секьюрити». Ох уж эти иностранные нововведения, а нельзя ли было просто обозначить: «Охрана». Взгляды у парней цепкие, профессиональные. Вот один из них задержал на нем взгляд явно на предмет ношения оружия, и, потому как лоб рассекла глубокая складка, стало ясно, что он сумел распознать у Михаила подмышкой слегка выступающий ствол.

– Вы к кому? – как бы невзначай возник он на пути Чертанова.

В сторонку такого не отодвинуть, подобной шутки он может не оценить.

– К Уманову.

– У вас назначена с ним встреча? – На этот раз голос прозвучал значительно мягче.

Улыбнувшись, Михаил сказал:

– Совсем нет, я решил преподнести ему сюрприз.

– Понимаю... А оружие вы взяли именно для этого?

Вопрос был задан спокойно, без всякого вызова, где-то даже лениво. Парень просто хотел удовлетворить собственное

любопытство. Что ж, на жизненном пути встречаются и такие интересующиеся лица.

Чертанов достал удостоверение сотрудника уголовного розыска и развернул его перед глазами охранника. Вдумчиво прочитав, тот произнес помягчевшим тоном:

– Следовало бы заранее обговорить время встречи. У нас так принято.

– Всего не предусмотреть.

– Ну уж если так сложилось, проходите. – С подчеркнутой вежливостью он отступил в сторону. Когда Чертанов уже шагнул в проем двери, добавил: – Второй этаж, налево.

В приемной Уманова Чертанов столкнулся с каким-то стариком, и тот, зыркнув на него колким взглядом, поспешно отвернулся. А может быть, Михаилу это только показалось?

Секретаршей у Сергея Ивановича была именно та девушка, с которой тот гулял у Дмитровского шоссе. Собственно, ничего удивительного в ее поведении не было: если все рабочее время проходит бок о бок, то возникает потребность встретиться, так сказать, в неформальной обстановке. Чертанова она встретила с кисло-сладкой физиономией: девушка была в явном затруднении, она не знала, что же ей следует предпринять, показать неудовольствие или выразить неприкрытый восторг.

Обижаться не стоило, за время службы в милиции Чертанов посмотрелся на такие формы переживания, что подобное отношение вызывало у него лишь скупую улыбку. Миха-

ил решил поспешить ей на выручку. Доброжелательно улыбувшись, он произнес:

– Я к Сергею Ивановичу.

– Пожалуйста. У него сейчас как раз никого нет, – произнесла она с явным облегчением.

Взглянув на Михаила, Уманов даже не попытался сделать вид, что обрадован встречей. Поморщившись, будто от зубной боли, он сказал:

– Право, это не смешно! У меня такое ощущение, что вы будете меня преследовать до конца моих дней.

Сергей Иванович вынес из-за стола свое крупное тело и сделал навстречу Михаилу пару крохотных шажков.

– Вы не волнуйтесь так, просто проезжал мимо и решил нанести вам визит.

– А с чего вы взяли, что я волнуюсь? Хотя, по мне, так лучше бы вы и не наносили вашего визита, – буркнул Уманов и, пожав Чертанову руку, широким жестом предложил ему устроиться на ближайшем стуле: – Прошу! Так с чем пожаловали?

– Хм... Знаете, я хотел поинтересоваться у вас, почему это вы для своих прогулок выбрали именно пустынные окрестности Дмитровского шоссе.

Сергей Иванович откинулся на спинку стула и заговорил, четко выговаривая каждый слог:

– Странный, однако, вопрос. Где хочу, там и гуляю. Я же вот не спрашиваю, к примеру, в каких местах вы проводите

свое свободное время.

– И все-таки.

– Извольте... Все очень просто. Я живу неподалеку от Дмитровского шоссе. В охраняемом коттеджном поселке. Мы с Риммой решили немного прогуляться по лесу, а тут такое дело... Кто бы мог подумать.

– Это поселок «Витязь»?

Уманов довольно расплылся в улыбке:

– Верно, «Витязь». А вы, я вижу, неплохо подготовились к предстоящему разговору. Чувствуется профессионал.

– Приходится, работа у меня такая, – улыбнулся Чертанов. – Да, зачем я еще пришел-то, – картинно хлопнул он себя по лбу. – Я у вас хотел спросить, может, вы вспомнили что-нибудь? Живете вы там уже не первый год, люди, наверное, как-то примелькались. Многих, наверное, знаете в лицо.

– Какое там! – безнадежно махнул рукой Уманов. – Народу там – прорва! Но ничего подозрительного я не замечал. А потом, я ведь не разъезжаю по округе. Из дома и на работу, с работы и домой. Если мне где-то и приходится бывать, то это случается крайне редко.

– Может, я задаю нескромный вопрос, но что поделаешь, работа у меня такая – задавать людям неприятные вопросы.

– Я вас слушаю.

От Чертанова не ускользнуло, что Уманов напрягся.

– А ваша жена догадывается о ваших увлечениях?

– А разве вам самому не нравятся хорошенькие женщи-

ны? Мне кажется, что это естественное чувство каждого нормального мужчины. Было бы очень странно, если бы все выглядело наоборот. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Разумеется.

– А потом, с женой у нас есть определенные договоренности, она не вмешивается в мои дела, я стараюсь не вступать в ее. Даже отдыхаем мы с ней всегда по отдельности. Но зато когда встречаемся, то начинается такая любовь! – Губы Уманова расплылись в счастливой улыбке. – Мы с женой исходим из того, что не надо мешать друг другу жить. В конце концов, мы все скоро умрем, и надо радоваться каждому проявлению бытия. А если случилось какое-то увлечение на стороне, то не следует делать из этого трагедии, нужно, наоборот, порадоваться за своего партнера, что у него все складывается благополучно. – Его улыбка сделалась еще шире. – В том числе и любовь.

– Интересная философия, – не сумел скрыть удивления Чертанов. – Прежде мне не приходилось встречаться с рассуждениями подобного рода.

Сергей Иванович пожал плечами:

– А ничего странного тут нет. Сейчас многие так живут. Поверьте моему жизненному опыту, это не самая худшая позиция. Если у вас имеется желание, я могу поделиться своим опытом.

– Нет, спасибо, – поблагодарил Чертанов. – А как в эту философию вписывается ваша секретарша?

Брови Уманова слегка приподнялись, отчего на крупном выпуклом лбу наметилась волнистая бороздка.

– Я ее ни к чему не принуждаю. Она взрослый человек и вправе сама решать, как ей следует поступить. А потом, извините меня за некоторый цинизм, я ведь не из тех мужчин, кто берет женщину за руку и тянет ее в кусты. Все должно происходить по обоюдному согласию.

– Да, разумеется... А какие отношения у вас были с Елизаровой Ниной? Ведь она у вас работала секретарем.

Чертанов разместился поудобнее, уперев локти в стол. Сергей Иванович заметно приуныл, сцепив пальцы в крепкий замок – разжать их будет очень непросто.

– Однако, – даже не попытался он скрыть своего изумления, – не ожидал. Я смотрю, что вы крепко мной заинтересовались. Копаете глубоко, как бульдозер. Пока не отыщете то, что нужно, ни за что не сдадитесь. А на первый взгляд вы простоваты. Шика сыскного не хватает... Но он вам и не нужен, это будет только настораживать. Что ж, скрывать не буду, у меня с ней был серьезный роман, – печально протянул Уманов. – И, надо сказать, первое время она меня увлекла всерьез. Не буду утверждать, что ради нее я готов был бросить все на свете, но зацепила она меня крепко. Бывает, лежу с женой в постели, а сам все о ней думаю. – В голосе Уманова прозвучала грусть.

– И что же потом произошло?

Сергей Иванович помрачнел. По тому, как дернулись

уголки его губ, было ясно, что вопрос ему неприятен.

– Я и сам не знаю, что произошло. Просто в один неприятный день она взяла и исчезла. Хоть бы записку, что ли, оставила! Объяснилась, наконец!

– Просто так пропала, ни с того ни с сего? – изумился Чертанов.

Губы Уманова сжались.

– Нельзя сказать, что она исчезла просто так... Очевидно, причина все же существовала. Знаете, мне бы не хотелось вытаскивать наружу наши с ней взаимоотношения...

– И все-таки постарайтесь объяснить. Я ведь спрашиваю не из праздного любопытства.

Уманов кивнул:

– Извольте. Вижу, что без этого не обойтись. Накануне ее исчезновения мы с ней повздорили...

– По-крупному? – уточнил Чертанов.

– Не хочу сказать, что дело было серьезным, но причина была. Она требовала от меня гораздо большего, чем я мог ей предложить.

– А нельзя ли поточнее.

– Буду с вами предельно откровенен, я обеспечивал Нину. Одевал ее с ног до головы. Несколько раз мы с ней ездили в Эмираты, где я удовлетворял любой ее каприз. Настал день, когда всего этого ей показалось мало, и Нина захотела заполучить меня самого. Целиком! Вы понимаете, о чем я говорю?

– Она хотела за вас замуж?

– Да! Пришлось сказать ей, что она больше у меня не работает, и с тех пор я больше ее не видел, – печально заключил Уманов.

– А вам не кажется странным, Сергей Иванович, что ваша сотрудница ушла, даже не захватив с собой трудовую книжку?

– Да бросьте вы! – раздраженно махнул рукой Уманов. – В наше время такую трудовую книжку можно купить в любом подземном переходе. А еще ее и заполнят по вашему желанию. И печати отыщутся, какие нужно. А то, что она ушла совершенно неожиданно, так это в ее характере. Пока Нина работала здесь, то на очень многие вещи я вынужден был закрывать глаза. Эти служебные романы всегда ко многому обязывают. И очень часто в ущерб делу. Если бы вы знали, какие контракты сорвались у меня по ее милости! Любой другой руководитель на моем месте уже давно бы уволил ее к чертовой матери, а я вынужден был терпеть! Ни одна женщина не стоит таких денег, какие я упустил по ее милости!

– А не могли бы вы сказать поточнее, чем же все-таки занимается ваша фирма?

– Реконструкциями зданий. Сейчас это очень модное направление. Фасады остаются прежними, а внутри проводится модернизация. Как говорится, тем и живем!

– Судя по тому, какой у вас офис, можно сделать вывод, что вы не бедствуете.

– Грешно гневить бога, нельзя сказать, что мы живем в нищете, но и не шикаем. На излишки я скупаю акции, пускаю их в дело. Встречаются, конечно, кое-какие проблемы, но мы стараемся разрешать их.

– У меня к вам имеется одна просьба, – Чертанов внимательно посмотрел на хозяина кабинета.

Сергей Иванович старался сохранить спокойствие, но чувствовалось, что это дается ему непросто.

– Все, что в моих силах, – ответил он с улыбкой.

– Если все-таки Нина Елизарова объявится, вы меня, пожалуйста, проинформируйте. Мне бы хотелось переговорить с ней.

Улыбка с лица Уманова пропала.

– Обязательно сообщу, – очень серьезно пообещал Сергей Иванович.

Секретарши на месте не оказалось. Она стояла в углу комнаты и поливала из небольшой красной лейки амазонскую лилию, разросшуюся едва ли не в пол-окна. Девушка даже не обернулась на звук отворяемой двери, только ее плечи слегка ссутулились, словно она почувствовала тяжесть направленного взгляда. Высокая, в голубых джинсах из какой-то мягкой ткани, она выглядела очень эффектно. Чтобы на должном уровне поддерживать такую фигуру, требуется немало средств и наличие свободного времени. Похоже, что все это у нее было в избытке.

Чертанов никак не мог вспомнить, кого же она ему на-

поминает. И только когда девушка повернула голову, взмахнув тяжелыми каштановыми волосами, Михаил невольно поежился – подруга Сергея Ивановича была точной копией девушки, вмерзшей в песчаный грунт.

Глава 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МАНЬЯКА

Показав на свободный стул, Крылов открыл папку.

– Тебе известно, что обнаружен еще один труп на Дмитровском шоссе? – поднял он на Чертанова внимательные глаза.

– Бог ты мой! – невольно ахнул Михаил. – Что, тоже девушка?

– Да, – по-деловому произнес Крылов. – Молодая, двадцать один год, зовут Юлия Петровна Ситдикова. Продавщица магазина «Женская одежда» на Мичуринском проспекте. Посмотри, – подтолкнул он папку с фотографиями. – Убийство один в один повторяет предыдущие. Даже черная ночнушка и то присутствует.

Подняв снимок, Михаил с минуту рассматривал убитую. С закрытыми глазами, вытянувшись во всю длину, она выглядела совершенно безмятежной. Создавалось впечатление, что девушка надумала отдохнуть, вот только место для этого было подобрано не самое подходящее, в небольшой канавке, под толстым стволом ели. Место это никак не должно было располагать ко сну. Рядом виднелись трое мужчин, один из которых рассматривал ее правую кисть, а двое дру-

гих укладывали в сумку какие-то предметы.

Сердце Чертанова невольно наполнилось жалостью:

– У нее тоже отрублен палец?

– Вот именно. Ты вот мне что объясни, зачем он это делает? – в сердцах произнес полковник. – Он что, коллекционирует конечности?

Чертанов пожал плечами:

– Может, и коллекционирует. Когда она была убита?

– Предположительно в то же время. Где-то поздней осенью. Он даже поленился ее закапывать, лишь слегка присыпал землей и закидал лапником. Странно, что она не была обнаружена раньше.

– Кто же ее нашел?

– Подростки из близлежащего поселка. Хотели сократить дорогу, решили пройти через лесопосадку. И вот на тебе, сократили!.. Почерк, как видишь, тот же. У меня такое ощущение, что убивал их один и тот же преступник. Получается, что все четыре убийства укладываются в одно делопроизводство.

– Вы думаете, что убивал маньяк? – задал Чертанов вопрос, который мучил его на протяжении последних суток.

– Вне всякого сомнения. Говорю, здесь чувствуется один почерк, он душил их, а потом обрубал конечности.

– Все эти преступления произошли в прошлом году осенью. Почему же он не проявляет себя сейчас?

– Меня этот вопрос тоже занимает... Хотя я не думаю, что

этот серийный убийца вдруг поверил в человеколюбие и перестал убивать. Здесь возможны два варианта. Или он мертв, что мало вероятно, такие скоты живут долго, или преступления совершаются в другом районе. Ты вот что сделай: собери базу данных по всему Подмоскovie, может быть, что-нибудь аналогичное выплывет.

– Хорошо, – кивнул Чертанов.

– То, что это маньяк, я уже несколько не сомневаюсь. Мне пришлось однажды участвовать в группе по поимке маньяка. Это лет десять назад было... Так вот, прежде чем мы его изловили, он успел сгубить одиннадцать душ. К таким нельзя применять обычные методы поисков.

– Почему?

– По одной простой причине. В основном с какими убийствами нам приходится иметь дело?

– С бытовыми.

– Верно, с бытовыми. Кто-то кого-то в сердцах порезал. Тут же выявляется круг подозреваемых. Так?

– Конечно.

– Или, к примеру, произошло квартирное ограбление с убийством. В этом случае тоже улавливается некоторая система. Скорее всего, есть наводчик, существуют конкретные исполнители. Часто преступник и жертва очень давно знают друг друга... А с маньяками не работают никакие схемы, он и его жертва не связаны между собой. Часто жертвами становятся совершенно случайные люди, которых он видит

впервые. Поэтому убийца так долго остается неуловимым.

– А как поймали того маньяка?

Полковник усмехнулся:

– Совершенно случайно. В общем, так их и ловят... Всем городом его разыскивали, организовывали засады в самых глухих местах, использовали наших сотрудниц как приманку в надежде на то, что он все-таки клюнет. И все напрасно! А поймал его обыкновенный механик с автобазы. Возвращался домой мужик со второй смены. Пошел напрямик через лесочек. Смотрит, в кустах какой-то мужчина согнулся над лежащей женщиной и блузку на ней расстегивает. Так механик как двинет ему в челюсть, тот сразу сознание потерял. Парень-то здоровый был... Потом связал его, вызвал наряд милиции. Поначалу мужичка за простого насильника приняли, а потом тот как стал колотиться, так даже у бывалых оперов волосы дыбом поднялись... Нет настоящих специалистов, чтобы серийных убийц ловить. Мы-то к ним со старыми мерками подходим, а тут по-особому нужно. Вот что еще сделай, – Крылов побарабанил пальцами по столу. – Нам очень помог один психотерапевт. Тогда он был совсем молодой парень, но уже кандидат наук. Занимался аномалиями головного мозга. Так вот в своих исследованиях он вывел, что если у человека была повреждена лобная или височная кость, то имеется большая вероятность того, что он станет маньяком. Парень он был способный, за те десять лет, что мы с ним не виделись, я думаю, он ушел очень далеко. Ты

почитай дела, в которых он участвовал, найдешь там много интересного... Сейчас он, наверное, работает над докторской, а может быть, уже и защитился.

– Как его зовут?

Крылов на секунду задумался:

– Имя его я уже позабыл. Но фамилию помню, Шатров!

– Я уже о нем слышал, – не стал уточнять подробности Чертанов.

– Вот и прекрасно! Работает он в Первой психбольнице. Найти его там будет нетрудно, – продолжал Крылов. – Он там один такой... незаурядный!

Геннадий Васильевич уложил фотографии в папку и аккуратно прижал ладонью сверху. Жест, подразумевавший окончание разговора. Ну и славно!

– Разрешите идти?

– Ступай. Вечером мне доложишь, как обстоят дела.

* * *

Начальником отдела кадров в больнице оказалась женщина лет сорока – сорока пяти. С виду необыкновенно строгая. Услышав фамилию Шатрова, она с интересом взглянула на визитера. Наверняка ее любопытство было бы меньше, если бы Чертанов представился, например, инопланетянином. Видно, этот некий Шатров и впрямь был незаурядной личностью.

– А, собственно, зачем он вам? – наконец разомкнула она каменные уста.

Чертанов не стал томить ее, развернув удостоверение, произнес:

– Я из милиции, он мне нужен по делу.

– Ах вот оно в чем дело. Он у нас больше не работает, – с каким-то скрытым злорадством ответила она.

– Вот как... А вы не знаете случайно, где его можно отыскать?

– Обратитесь на кафедру судебной психиатрии, – передернула плечом женщина. – Там работает его приятель доцент Тимашов Матвей Борисович. Только он один может знать, где в настоящее время находится Шатров.

Поблагодарив, Чертанов вышел, затылком ощущая колющий взгляд дамы.

Матвей Борисович Тимашов оказался моложавым мужчиной лет тридцати пяти. Высокий, импозантный, в модных дымчатых очках, с тяжеловатой оправой. Впечатление он производил самое благоприятное. По внешнему виду Тимашов скорее напоминал какого-нибудь физика-ядерщика, обремененного решением труднейшей теоретической задачи, чем доцента по психиатрии. Только глаза, прямые и невероятно внимательные, указывали на то, что это не так. Его направленный взгляд казался просто-таки материальным. У Чертанова невольно возникло ощущение, что подобный

взгляд способен запросто вскрыть черепную коробку, а следовательно, этому человеку подвластна и воля других людей.

Чертанов слышал о том, что дистанция между докторами и душевнобольными чрезвычайно мала. Существует даже мнение, что врачи с годами понемногу становятся похожими на своих клиентов. Как ни всматривался Чертанов, но никаких отклонений в поведении Тимашова не уловил. С ним разговаривал очень внимательный и чуткий собеседник. Разве что слегка медлительный, но ведь это же не болезнь!

– Спрашиваете, почему Дмитрий Степанович не работает? Не простой вопрос, – после длительной паузы протянул Матвей Борисович. Подняв со стола карандаш, он покрутил его между пальцев, после чего небрежно бросил на стол. Внимательным взглядом он проследил за тем, как карандаш прокатился по ровной поверхности и, прошуршав по бумаге, затерялся под сложенной газетой. – Шатров просто не мог остаться в нашей больнице, слишком он был неординарным человеком, как в поведении, так и в образе мышления. А что касается науки, то здесь он был вообще гений! – убежденно заявил Тимашов.

Чертанов вскинул брови:

– Высокая оценка. Откуда она?

– Я учился с ним в одной группе. Еще тогда он выделялся своими знаниями. Для него главное было учеба. Порой до смешного доходило, все его друзья идут пиво пить после экзамена, а он в библиотеку спешит.

– Действительно, немножко смешно, – улыбнулся Чертанов, вспомнив свою бесшабашную студенческую молодость. – Почему он занялся судебной психиатрией?

По лицу Тимашова пробежала тень. А может, просто показалось?

– В этом нет ничего удивительно, он бредил ею буквально с первого курса. И здесь он опять не вписывался в общий поток! У нас в группе все мечтали стать хирургами и непременно выдающимися, а он жаждал заниматься проблемами мозга. Особенно той его стороной, что толкает человека на преступления. В общем-то, сейчас это уже доказано зарубежными специалистами, что лобовая и височная части мозга отвечают за поведение человека. И если наблюдается повреждение костей в этой области, то нормальный человек может переродиться в серийного убийцу.

– Вот даже как, – не скрыв своего удивления Чертанов.

– Это совершенно точно! Так вот Шатров был одним из первых, кто выдвинул эту идею. И причем блестяще и убедительно аргументировал эту теорию на множестве примеров. Для доказательства своей гипотезы он совершал поездки по колониям, тюрьмам и разговаривал с разного рода убийцами и маньяками. Кто из студентов способен на такое?.. У многих из его собеседников наблюдались травмы головы. Но почему-то его теория не получила широкого распространения.

– Знаю из личного опыта, что уголовников не очень-то просто разговорить. Почему же они с ним откровеннича-

ли? – удивился Михаил.

– Трудно сказать, чем брал он убийц. Может быть, это были какие-то особенные приемы, а может, просто гипноз, но убийцы в его обществе становились необычайно покладистыми и разговорчивыми. Он добивался от них того, чего не могли сделать целые бригады следователей.

– Мне известно, что он помогал раскрытию преступлений. Вы об этом ничего не знаете?

– Знаю. Уже на старших курсах следственные органы привлекали его в качестве консультанта. Он составлял психологические портреты преступников, причем весьма удачно. В тридцать три года он уже был доктором наук. В нашей области это очень редкий случай. Но Шатров был, безусловно, достоин этого звания. А еще добавьте к этому, что он необычайно честолюбив, трудоголик. Всегда знал, чего хотел, и при этом оставался очень независимым и свободолюбивым человеком.

– Понятно. Как к нему относились окружающие?

– По-разному... Подобная одержимость многим не нравилась, в первую очередь руководству больницы. Как это обычно бывает, его попытались приструнить. Дмитрию это не понравилось, тем более что это попытались сделать те, кто совершенно не смыслил в науке! Шатров никогда не пытался даже скрывать своего пренебрежения к ним, а тут они решили поставить его на место. Показать, так сказать, свою власть. Обстановка накалилась, работать стало невозможно,

и Дима вынужден был уйти из больницы. Наука же потеряла блестящего ученого.

– А вы поддерживаете с ним отношения?

Матвей Борисович виновато улыбнулся:

– Не скажу, что так, как раньше. В прежние времена дня не проходило, чтобы мы не увиделись или хотя бы не созвонились.

– Почему же вы тогда отделились?

Тимашов выглядел слегка растерянным, потом, пожав плечами, ответил:

– Трудно сказать... Может, потому, что нас уже больше не связывала работа. Для мужчин ведь главное – дело. Хочу признаться вам откровенно, что мне не хватает общения с ним. – Лицо Матвея Борисовича осветила широкая располагающая улыбка. Наверняка медсестры были от него без ума. – Но он как-то сам от меня отделился. Шатров из тех людей, кто привык выбирать, с кем ему дружить. Он может неожиданно охладеть к прежней дружбе, и ты теряешься в догадках, какая же кошка пробежала между вами. Нечто подобное случилось и с нами... Я же не умею навязывать своего общества. – В голосе Матвея Борисовича промелькнула грусть. – Вот так мы и живем.

– Понятно. А вы не могли бы мне сообщить, где сейчас работает Шатров?

Руки Тимашова вновь пришли в движение, он было скрестил их на груди, затем сцепил пальцы в крепкий замок.

Неожиданно Матвей Борисович поднялся и, показав рукой на девятиэтажку, видневшуюся в окне, произнес:

– Видите это здание?

Михаил Чертанов подошел к окну.

– И что? – непонимающе протянул он.

– Сейчас Дима работает в нем, на втором этаже, паркетчиком. – Невесело улыбнувшись, добавил: – Он никогда не останавливался на достигнутом, и сейчас лучший паркетчик в бригаде. Вот видите, как получается, теперь он смотрит из окон этого здания на место своей прежней работы. Парадокс!

– А как вы думаете, он скучает по своему прежнему делу?

– Знаете, я никогда не представлял Шатрова вне медицины. Собственно, наука всегда держалась на таких людях, как он. И вот, как видите... А по поводу того, скучает он или нет... – Матвей Борисович только повел плечами. – Человек ко всему может привыкнуть.

– Что ж, спасибо за беседу.

– Не за что, – проводил гостя до дверей Матвей Борисович. – Если что, заходите!

* * *

Уже поднимаясь по лестнице девятиэтажки, Чертанов услышал методичные и несильные удары молоточком. Так мог работать только паркетчик, приколачивая гвоздями

плашки. Поднявшись на второй этаж, Чертанов без особого труда определил нужную дверь, постучавшись, вошел.

Первое, что удивило Чертанова, так это немалый размер прихожей, которая запросто могла потягаться с вестибюлем Большого театра. Михаил невольно хмыкнул, если это только начало квартиры, так что же может ожидать его в глубине? Впрочем, размерами сейчас никого не удивишь. Можно отгрохать квартиру и с Манежную площадь, были бы только деньги.

У стены в черном халате, вооружившись небольшим молоточком, приколачивал паркет молодой мужчина. Даже не обернувшись на стук отворяемой двери, он уверенно прилаживал паркетины, составляя замысловатый узор. Судя по тому, как ловко он работал, чувствовалось, что он немало преуспел в своем деле.

– Простите, вы не подскажете, где мне можно найти Дмитрия Шатрова? – обратился к мужчине Чертанов.

Мастер едва взглянул на вошедшего и, продолжая мерно поколачивать молоточком, ответил:

– Я – Шатров! Вы, наверное, по поводу паркета? Знаете, в ближайшие четыре недели ничем не могу помочь. Просто загружен работой. После этой квартиры собираемся работать в коттедже. – В последних словах прозвучала хорошо различимая гордость.

– Понимаете, тут такое дело... – прошел Чертанов в комнату, стараясь не наступать на неужоженный паркет.

Шатров отложил молоточек в сторону и недоуменно посмотрел на Чертанова.

– Мы уже с вами обо всем переговорили. Я не отказываюсь, приходите через месяц, просто в данный момент я связан обещаниями...

– Вы меня не за того приняли, – сразу решил внести в разговор ясность Чертанов. – Я – майор милиции, – раскрыл он удостоверение. – Занимаюсь расследованием убийств. Мне бы хотелось с вами переговорить, Дмитрий Степанович.

Шатров напрягся, помассировал натруженную спину:

– Так вы меня и по отчеству знаете?

Чертанов продолжал улыбаться, демонстрируя дружелюбие:

– Выходит, что так.

На первый взгляд мужчина совсем не походил на светило науки. В выцветшем халатике да в стареньких ботинках с истоптанными задниками, он больше годился бы на роль электрика какого-нибудь захудалого домоуправления. Этакий несостоявшийся Эйнштейн, изгнанный из вуза со второго курса за дебош и пьянку. В молодости, поди, хотел потрясти мир своими познаниями, а вместо этого вынужден заменять перегоревшие лампочки в подъездах.

И только достоинство, с которым Шатров держался, указывало на то, что за плечами у этого человека серьезная и весьма содержательная биография.

– Тогда вам должно быть известно, что я давно не кон-

сультурую. Теперь это не мой профиль! С некоторых пор мое дело – паркет. – Его голос прозвучал почти восторженно. – Здесь я сделал для себя массу интереснейших открытий. Например, никогда не думал, что дерево может иметь душу. И в этом я уже неоднократно убеждался. А чтобы создать такой узор, как, например, этот, – показал Шатров на паркет под ногами, – одного умения недостаточно, здесь как минимум нужны способности. А они у меня есть! Паркетчик – такая специальность, что я без работы никогда не останусь. Тем более с такими руками, как у меня. Деньги сейчас у людей есть, не то что раньше... Все желают строиться. Через недельку я в одном коттедже паркет буду класть... Олигарх пригласил. Так там только одного паркета нужно будет постелить на шестьсот метров! Деньги, которые он обещал выложить мне за это, я ни за какую консультацию не получу.

– Жаль, что у нас с вами не получается разговора. Хотя, честно говоря, я готовился к этой встрече. Правда, представлял ее немного по-другому, что ли... Разрешите сделать вам комплимент, Дмитрий Степанович?

– Я отвык от них.

– И все-таки послушайте. Знаете, что меня поразило во всех уголовных делах, что вы консультировали?

– Что же? – В глазах Шатрова блеснуло любопытство.

– Что вы смогли безукоризненно составить психологический портрет разыскиваемых преступников. У меня такое мнение, что если бы не ваша интуиция и знания, то их иска-

ли бы еще очень долго.

– Я только составлял портрет, – буркнул Шатров, – а ловила маньяков милиция.

Из соседней комнаты выглянул коренастый здоровяк с толстой шеей и, смерив неодобрительным взглядом Чертанова, повернулся к Шатрову:

– Ты работать-то будешь? Или целый день так простоишь?

– Дай мне поговорить с человеком, – раздраженно отозвался Шатров. И когда здоровяк ушел в соседнюю комнату, Дмитрий Степанович негромко произнес: – У нас, как вы сумели убедиться, свой план, а у вас свой. А потом, нам ведь за простой деньги не платят. Так что прошу прощения...

– Что ж, извините за беспокойство, – Чертанов повернулся к выходу.

– Постойте, так что именно вы хотели узнать у меня? – В Шатрове заговорил профессиональный интерес.

– Вы слышали об убийствах девушек на Дмитровском шоссе?

Нахмурившись, Шатров утвердительно кивнул:

– Разумеется. В числе жертв есть одна девушка, с которой я был близко знаком. Ее звали Мария Копылова. Вы хотите сказать, что не знали об этом?

Лукавить Чертанов не стал:

– Знал.

– Может, вас интересует, что это была за девушка? Пожалуйста, ответу. Милая, очаровательная, добрая. Мне ее не

хватает. Я очень сожалею, что нам пришлось расстаться. Но к тому, что с ней произошло, я не имею никакого отношения!

– Вас никто не подозревает... Хотя о Марии Копыловой я бы, возможно, переговорил с вами немного позже. Меня интересует другое. В городе действует маньяк, а у нас нет ни единой зацепки. Мы даже не знаем, от чего нам следует оттолкнуться. Вы не могли бы составить предполагаемый портрет убийцы?

Паркетчик посетовал:

– Странные вы, однако, люди! Как вы себе это представляете? Чтобы я по газетным вырезкам составил психологический портрет? Поверьте мне, я не медиум какой-нибудь, а серьезный ученый... точнее, бывший ученый. Меня интересуют только конкретные факты. Мне нужно как минимум познакомиться с делами...

– Мы предоставим вам материалы.

На мгновение в глазах Шатрова вспыхнул огонек, но тотчас погас.

– Но у меня нет ни желания, ни тем более возможности.

– Жаль... А может, вы могли бы тогда сказать, почему преступник отрубает у своих жертв пальцы? И кисти рук?

После некоторого раздумья Шатров ответил:

– Мое мнение такое... Вам это может показаться странным, но маньяк рубит конечности своим жертвам от большой любви. Это настолько всепоглощающая любовь к своей

жертве, что она сжигает его изнутри. Он готов оставить себе какую-то часть тела жертвы. Очень часто это бывает голова, даже нога. В вашем случае – это пальцы и кисть. Как это ни покажется вам кощунственно, в моей практике был такой маньяк, который носил пальцы своих жертв в портсигаре, а другой и вовсе надевал в качестве амулета отрезанное ухо жертвы на шею.

Чертанов был поражен.

– Зачем они это делают?

– Для них куски человеческого тела являются чем-то вроде талисмана. Если хотите, своеобразным тотемом, что ли, который способен приносить им удачу и отгонять злых духов. А все потому, что у всех маньяков извращенное понятие о любви. Они просто живут в каком-то другом измерении, недоступном нашему пониманию. И убивают людей они не от ненависти, а от большой привязанности. Они скверно себя чувствуют в обществе живых людей, по-настоящему им хорошо только с покойниками.

Михаил был потрясен.

– Вы рассказываете невероятные вещи.

Шатров отрицательно покачал головой:

– Вообще нет... Невероятные вещи я рассказывал на своих лекциях в институте, а то, что вы услышали сейчас, это всего лишь прописные истины. Вы интересовались когда-нибудь историей ацтеков? – неожиданно спросил он.

– Только в общих чертах, – обескураженно сказал Миха-

ил, сбитый с толку неожиданным вопросом. – Знаю только, что они убивали своих пленников.

Улыбка Шатрова выглядела печальной:

– Не совсем точно. Они приносили пленников в жертву своим богам. Вырывали у них сердца и даже съедали отдельные части их тел. До нас дошли настенные рисунки этих безобразных кровавых сцен. Вы думаете, что это происходило от чрезмерной жестокости?

Пожав плечами, Чертанов предположил:

– Наверное, такова была их религия.

– Вот именно, религия! Но она замыкалась на том, чтобы любить своих пленников, как детей и братьев. Их ведь не сразу убивали. До жертвоприношения пленники жили в хижинах своих победителей. К ним относились как к самым почитаемым родственникам. Пленники жили в любви и почете, им отдавалась лучшая пища, одежда. Хозяин дома называл своих пленников не иначе как любимыми сыновьями. Но наступал день, и пленников приводили к храму смерти, где у жертвенного камня жрец вырывал им сердца, а паства лакомилась человеческим мясом... И все это проделывалось тоже от большой любви. Я вам хочу сказать, что действия серийных убийц мне очень напоминает психологию древних ацтеков. Вас не шокирует подобное откровение?

– Признаюсь, неожиданные рассуждения. Но такое полезно услышать, может что-то пригодиться в работе. А вы можете хотя бы примерно сказать, какого возраста наш маньяк.

Это нам помогло бы значительно сузить поиск.

– Разве что примерно... Для более точной характеристики нужно располагать материалами дела. Но то, что он молод, это однозначно. К тому же он очень сексуально активен. Его возраст где-то от тридцати до сорока пяти лет. Больше я ничем не могу вам помочь, – развел руками Шатров. – Увы!

– Спасибо и на этом. Если все-таки надумаете помочь следствию, так мы будем только рады сотрудничеству. Я слышал, что ректор мединститута недавно предложил вам возглавить кафедру.

– Вы и об этом знаете, – невесело буркнул Дмитрий Степанович.

– У нас профессия такая – знать, – улыбнулся Чертанов. – Прежде чем встретиться с вами, я разговаривал с очень многими людьми, и все они, как один, говорят о том, что вы блестящий ученый и что вы непременно должны вернуться в науку.

– Я еще сам не решил, как мне поступить, а они уже за меня решают, – раздраженно проворчал Шатров.

– Не в моих правилах давить на совесть, но от вашего профессионализма зависит очень многое, а именно – быть ли следующим жертвам.

– Говорите, что не хотелось бы, а сами давите, – возразил Шатров.

Дверь из соседней комнаты отворилась вновь, и в проеме предстал тот же самый коренастый тип с толстой ше-

ей. Зыркнув на Чертанова недобрыми темно-карими глазами, он заговорил, процеживая слова сквозь стиснутые зубы:

– Послушай, ты думаешь, что тебе за простой платят? С нас хозяин стружку снимет!

Посмотрев на Чертанова, Дмитрий Степанович печально констатировал:

– Вот с такими типами приходится работать. – И уже поделовому добавил: – Если бы он попал ко мне в свое время в психлечебницу, то я бы покопался в нем и, поверьте мне, поставил бы с полдюжины диагнозов. В общем, мне пришлось бы с ним повозиться! Вот что я тебе скажу, – повернулся он к крепышу, снимая халат, – забери свою амуницию. Я уволился! Пойдемте.

– Ты еще пожалеешь, – бросил ему в спину коренастый, – будешь обратно проситься, не возьму!

– Не обольщайся, – громко хлопнул дверью Дмитрий Степанович.

Выйдя на улицу, они некоторое время шли молча. Неожиданно Шатров остановился и произнес с заметной грустью:

– А ведь я задумал прекрасный узор! Такой есть в одном из залов Лувра. Жаль, что доделывать его буду не я... Знаете, майор, о чем я сейчас мечтаю?

– О чем же?

– Когда-нибудь у меня будет свой дом, и в огромном зале (метров на сто!) я непременно выложу именно такой итальянский паркет. Итальянцы понимают в этом толк. Что

у вас там еще есть, показывайте. Вы ведь рассчитывали, что я должен заинтересоваться этими преступлениями. Ведь так? – строго спросил Дмитрий Степанович.

Михаил невольно улыбнулся. Ему все больше нравился этот чудаковатый молодой доктор.

– А вы проницательны, – Чертанов вытащил из сумки папку, – взгляните, пожалуйста.

– Только давайте не на ходу, – недовольно проворчал Шатров. – Выберем где-нибудь место, там и присядем.

Чертанов улыбнулся, от него не укрылось, с каким азартом заблестели глаза Дмитрия Степановича. Все правильно, человек занялся любимым делом.

Свободная скамейка отыскалась во дворе винного магазина, недалеко от служебного входа. Двое подвыпивших рабочих, негромко матерясь, стаскивали с кузова небольшого грузовичка ящики с водкой. Посуда, заполненная спиртным, весело позвякивая, располагала на лирический лад. В глазах грузчиков не заметно ни малейшего намека на душевный трепет, очевидно, они уже давно работают в винном магазине и успели перетаскать не одну тонну водки. К подобному изобилию быстро привыкаешь и воспринимаешь его разве что на вес.

Рядом с машиной, в длинном белом халате и с листками бумаги в руках, стояла полная женщина-экспедитор и терпеливо пересчитывала ящики. Иной раз ей что-то не нравилось, и она, приостановив разгрузку, доставала из тары

бутылку на выбор и принималась тщательно рассматривать пробку. Успокоившись, устанавливала ее на место, после чего разгрузка продолжалась прежним порядком.

Разложив папку на скамейке, Дмитрий Степанович неторопливо перекладывал листы дела. Не замечая происходящего вокруг, он вникал в текст, тщательно изучал фотографии с места преступления. У Чертанова возникла уверенность, что если бы сейчас из-под Шатрова выбили скамейку, то он не обратил бы на это внимания. Чертанов старался не мешать ему и, расположившись немного поодаль на сломанном ящике, наблюдал за разгрузкой товара. Женщина была недоверчивой и цепким взглядом контролировала каждый шаг грузчиков. Михаил без особого труда угадал в грузчиках знакомый контингент. Это с виду они такие ленивые и малоподвижные, а представится случай, так они проявят такую завидную расторопность, что и не уследишь.

Неожиданно женщина посмотрела в сторону Чертанова, явно занося его в список неблагонадежных. Взгляд строгий, настороженный. Наверняка она баба одинокая, лишенная ласки, и встреча с мужиком для нее маленький праздник. Приласкать бы, да служба, однако!

Женщина продолжала пристально всматриваться в Чертанова, словно признала в нем старинного любовника. А может, так оно и есть? В конце концов, он не обязан помнить всех своих женщин! Сделал свое дело да потопал себе дальше. Считать завоеванных женщин можно только по молодости.

сти, а когда они стали проходить через него косяками, так он просто забросил эту веселенькую статистику. Наскучило!

– Я, кажется, начинаю понимать, в чем тут дело, – оторвал Шатров взгляд от бумаг. – Вы сравнивали между собой этих женщин?

– Что вы имеете в виду? – не понял Чертанов.

Выложив на скамейку фотографии убитых женщин, Шатров попросил:

– Взгляните сюда, пожалуйста, только повнимательнее. – И когда Чертанов нагнулся, спросил: – Что вы видите?

Чертанов недоуменно рассматривал фотографии. За последние несколько дней Михаил успел их изучить очень тщательно, настолько, что они уже начинали преследовать его ночными кошмарами.

– Ничего особенного, – поднял Чертанов удивленный взгляд на доктора.

– А то, что все они одинаково сложены! – горячо возразил Дмитрий Степанович. – Следовательно, преступник выбирал именно такой тип женщин. А еще посмотрите на их волосы...

– Ну?

– У всех троих волосы каштанового цвета. Маньяка не интересовали ни брюнетки, ни блондинки, его волновали именно девушки с таким цветом волос и именно такой длины. Получается, что по натуре этот человек – охотник. Он высматривает девушек одного типа и, заметив нужную, не вы-

пускает ее из поля своего зрения до тех пор, пока не завладеет ею. Уж поверьте моим наблюдениям!

– Как же ему это удастся?

– Все его действия неоднократно отработаны: он будет провожать ее до работы, встречать у дома. Изучит распорядок ее дня и будет терпеливо дожидаться случая, пока она не окажется уязвимой. И, поверьте мне, такой день обязательно наступит. При этом сам он будет оставаться совершенно невидимым для нее. Девушка по-прежнему будет радоваться жизни, будет встречаться с друзьями, с подругами, но она уже обречена! И ее гибель – только вопрос времени.

– Невеселую картину вы нарисовали.

Шатров развел руки в стороны:

– Уж, извините, какая есть. Успокаивать вас я не собирался.

– Почему он выбирает определенный тип женщин? – спросил Чертанов, укладывая папку в сумку.

Ненадолго задумавшись, Шатров ответил, слегка растягивая слова:

– На этот вопрос может ответить только сам преступник. Я же могу сделать всего лишь предположение. Может быть, каким-то образом эти девушки напоминают ему его мать, это первое. Может быть, во-вторых, девушку, с которой он когда-то был близок и которая, возможно, предпочла его другому. В-третьих, эти девушки могут напоминать его любовное разочарование... Сейчас сказать трудно, но в любом

случае искать ответ следует где-то здесь. Можно задать вам один вопрос? – осторожно поинтересовался Дмитрий Степанович.

– Разумеется, – охотно отозвался Чертанов.

– Это последняя, так сказать, страшная находка?

– Да... А в чем дело? Вас что-нибудь смущает?

– Как вам сказать... – задумчиво протянул Шатров. Было заметно, что его что-то гнетет. – Меня смущает то, что преступления неожиданно прекратились. Поверьте моим наблюдениям, так не бывает! Маньяки никогда не успокаиваются, они могут только затаиться, и то лишь на какое-то короткое время. А потом их ужасная сущность снова берет свое.

– Но трупов больше нет, – удивленно произнес Чертанов.

– Значит, здесь пока нет и маньяка.

– Где же он тогда может быть?

Разгрузка автомобиля закончилась. Грузчики, отряхнув ладони, отошли в сторонку выкурить по сигарете. Не атланты, поди, следовало бы и отдохнуть после напряженной работы. Женщина, понаблюдав за двумя странными мужиками, расположившимися в глубине двора, скоро потеряла к ним интерес. На бомжей как будто бы не похожи, не хулиганят, так что милицию звать ни к чему. Пусть себе сидят.

И тут Чертанов неожиданно вспомнил, где встречался с этой женщиной, – на одной из вечеринок, сразу после разрыва с Натальей. Помнится, в тот вечер она сразу положи-

ла на него глаз, и не воспользоваться таким обстоятельством было грех. Закрывшись от гуляющей публики в крошечной комнате, он попытался овладеть ею в позиции «летающие утки». Но что-то в тот вечер у него не заладилось, не то сказалась накопившаяся усталость, не то много было выпито водки, а может, смущал несвежий запах простыней, но его «дерево инь» жалко скукожилось и превратилось в бесформенный морщинистый стручок. Не дождавшись воскрешения его увядшей плоти, женщина лишь пренебрежительно фыркнула и, оправив платье, вернулась к веселому застолью.

Кажется, в тот день его вывело из себя именно это ее надменное фырканье. На прощанье женщина посмотрела на него с таким видом, словно связалась с конченным импотентом. Михаилу после этого недели две пришлось усиленно посещать бордели, чтобы доказать самому себе, что все у него в полнейшем порядке.

Но несколько лет назад женщина не была столь крупной, так что нет ничего удивительного в том, что узнал он ее не сразу. Несостоявшаяся пассия перебралась на хорошие харчи, вот и раздобрела. Разумеется, с тех пор он с ней больше не встречался, не хотелось иметь под боком напоминание о пережитом мужском фиаско.

– Маньякам всегда нужен определенный тип личности, – продолжал Шатров. – Они просто так устроены. Остальные женщины их просто не возбуждают. Я так думаю, если маньяка нет в этом районе, то, скорее всего, он объявится где-

нибудь в соседнем. Или... его вообще нет в живых!

– Почему же он ушел в другой район?

– Все объясняется очень просто. У него ограничен выбор. Возраст, – загнул палец Шатров, – цвет волос, сложение. У серийного убийцы весьма высокие требования. Маньяк не лишен чувства прекрасного, разумеется, в самом гнусном его понимании. Скорее всего, он не нашел подходящий тип женщины и теперь ищет его в другом месте.

– Понятно, – задумчиво протянул Михаил. – За час общения с вами я успел узнать о маньяках столько, сколько не слышал за всю жизнь. А вы мне можете ответить, почему маньяк перенес труп Копыловой?

Шатров нахмурился, по его лицу пронеслись какие-то воспоминания.

– То, что для вас кажется странным, для меня очевидность. Вы имеете дело с очень опасным типом маньяка. Он смаковал свое злодеяние, поэтому решил перетащить труп немного подальше, чтобы обезопасить себя от возможных свидетелей.

– Теперь понимаю. Вы не откажете мне в консультации, если возникнет необходимость? – с надеждой спросил Михаил.

Дмитрий Степанович улыбнулся, щегольнув невероятно белыми зубами. С такими зубами, как у него, впору рекламировать зубную пасту.

– Обращайтесь, – легко согласился Шатров, поднимаясь

с лавки.

– Куда вы сейчас? Может, вас подвезти?

– Не надо, – отмахнулся Дмитрий Степанович. – Мне недалеко, я вот сюда... рядышком, – показал он на здание больницы. – Спасибо вам.

– А мне-то за что? – искренне удивился Чертанов.

– За то, что сумели меня как-то растрясти. А то занимался черт знает чем! Думал от себя уйти... Не получилось! Хорошо, что мой отпуск от себя самого не затянулся.

Глава 4

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

– Можешь воспринимать это назначение как очередное повышение, – торжественно объявил полковник Крылов и светлым взором взглянул на Чертанова. – Мне приказано направить лучших сотрудников. Я решил, что ты достойная кандидатура. Тем более что в этом деле ты как бы зачинатель. Успел глубоко вникнуть... Если тебе все-таки не понравится, то я помогу тебе вернуться.

Геннадий Васильевич выглядел серьезно, похоже, что он и впрямь не шутил. Хотя его внешний облик никак не соответствовал серьезности момента. Ворот модной джинсовой рубашки был привычно расстегнут, и на толстой шее висело сразу две золотые цепочки. Одна тонкая – на ней скромный крестик, а вот другая, едва ли не в палец толщиной, очень авторитетная, с огромным темно-зеленым изумрудом. Подобная вещица стоит огромных деньжищ, но задавать вопрос о ее цене было бы бестактным. Чертанов не исключал, что золотую цепь с камушком полковник взял под расписку из вещдоков. Зато сейчас щеголяет во всем этом великолепии, будто родился в россыпи из драгоценных камней.

Лицедействовать Геннадий Васильевич умел, не случайно он несколько лет проработал под прикрытием, причем добился весьма ощутимых результатов. Для такого тонкого де-

ла, как работа под прикрытием, нужны определенные способности, а они у полковника имелись. Порой он настолько вживался в созданный им же самим образ, что трудно было понять – беседуешь с полковником милиции или перетираешь тему с уголовным авторитетом.

Поговаривали, что некогда на груди у полковника красовалась татуировка, причем отнюдь не «художественного» свойства, а самая что ни на есть «авторитетная» и будто бы подобную «награду» ему выкололи воры в «крытке», где он находился под прикрытием. За подобные художества уголовники спрашивают очень строго, а потому, как только он закончил операцию, то сразу решил вывести ее. Об этом туманном эпизоде своей жизни Геннадий Васильевич распространяться не любил. Как бы там ни было, но на левой стороне груди у Крылова виднелось несколько длинных глубоких шрамов. На правой кисти у него присутствовала еще одна меточка, татуировка в виде небольшой галочки – летящая птица, что означало «привет вора». По каким-то своим соображениям выводить приметную наколку полковник Крылов не пожелал.

У Чертанова было ощущение, что Геннадий Васильевич и сейчас не до конца вышел из слепленного образа. Развалясь в мягком кресле и закинув ногу на ногу, от чего брючины задрались едва ли не до колен, он напоминал хозяина какого-нибудь крупного бара, а то и казино, добившегося благополучия благодаря своей бульдожьей хватке. Теперь, когда

подавляющее число конкурентов были раздавлены или оставались далеко позади, можно было, задрав штаны, потихоньку попивать пиво, наращивая жирок, и наслаждаться покоем. Некая серьезная заявка на этакого хозяина жизни. А в маленьких сытых глазках так и читалось: «Для полного удовольствия не хватает пары знойных телок!»

Чертанов не сумел сдержать улыбки. Подобными типами были заполнены едва ли не все московские кабаки, и причем каждый из них претендовал на некую индивидуальность, как в манере разговаривать, так и в поведении. Но суть всегда оставалась одна – хамло с завышенной самооценкой. В кабаках они вели себя так, словно состояние каждого из них оценивалось в миллионы долларов, хотя чаще всего в карманах гремело только два гнутых пятака. Да и шутки у них были одинаковы, наиболее типичная из которых, – вырвать у стриптизерши трусики и быстро затеряться с ними в гогочущей толпе мужиков.

– У меня может не получиться... Даете слово, что заберете меня обратно в отдел? – спросил Чертанов, посмотрев на круглое лицо Крылова.

Геннадий Васильевич слегка поерзал в кресле, словно ему стало неуютно от нацеленного взгляда, и твердо пообещал:

– В чем вопрос, не сомневайся. Возьму! А потом, сам пойми, какие тебя ожидают перспективы. Создается группа, которая будет заниматься маньяками. У нас имеются отдельные специалисты, те, кто глубоко копает эту тему. Наррабо-

ток тоже немало. Ты же со своей группой будешь двигателем и мозговым центром всего этого дела, а это ответственно. Вот посмотри, что творится... Это оперативная информация. Только по Московской области работает от восьми до десяти серийных убийц. А если взять по всей России! Да они просто полчищами расхаживают! – Геннадий Васильевич не шутил. Ко всему, что касалось его работы, он относился весьма серьезно. – Вот представь себе, завелся такой маньяк в каком-нибудь городишке и терроризирует все население. Думаешь, серийные убийцы орудуют где-нибудь подалеже от своего дома? Черта с два! – подался вперед Крылов. – Можно сказать, что они режут прямо у себя под порогом. Это волки стараются не напакостить у своего логова, чтобы не привести к нему охотников, а эти ничего не боятся! Они непредсказуемы, поэтому-то их трудно выловить. Маньяки сначала изгадят свой дом, а потом возьмутся за жилище соседа. Вот так-то! А ты еще сомневаешься, стоит ли тебе заниматься этим.

– Я не о том... У меня может не получиться, – пожал плечами Михаил. – Я ведь сыскарь, у меня своя агентура, которая знает, что я от нее хочу. Здесь я кое-что умею. Можно даже сказать, преуспел. Теперь же придется бросить все наработки и начинать сначала.

Геннадий Васильевич раздраженно махнул рукой:

– Брось! Ты быстро наверстаешь. Парень ты способный, молодой. Схватываешь все на лету. Знаешь, – лицо Крылова

расплылось в довольной улыбке, – я бы сам занялся подобным делом, но переучиваться мне уже поздно. А потом, у меня имеются кое-какие обязанности, – указательным пальцем он постучал себя по плечу, намекая на большие звезды. Но казус заключался в том, что в этот самый момент его палец упирался в какую-то медную пуговицу с легкомысленным тиснением. – К тому же ты назначаешься старшим группы. Начальства над тобой сразу станет меньше, а это, поверь мне, очень большой плюс. – Крылов назидательно поднял указательный палец. Чертанов давно обратил внимание на то, что Геннадий Васильевич любил интенсивно жестикулировать. – Ну, так что, согласен?

Михаил глубоко вздохнул:

– Куда же я денусь? Когда полковник советует, это скорее приказ.

Геннадий Васильевич вновь широко улыбнулся, вновь превратившись из строгого полковника в обыкновенного добродушного дядьку, которого хотелось стукнуть по плечу и задорно предложить: «Может быть, по пиву, Василич?» Но благоразумие победило. Собственно, у Михаила с его непосредственным начальством были не настолько приятельские отношения.

– Ты все правильно понимаешь. – Посмотрев на часы, Геннадий Васильевич поднялся. – Заболтался я тут с тобой, мне через час нужно быть в другом конце города.

Невысокого росточка, кругленький, с заметно выступаю-

щим животиком, Крылов выглядел завсегдаем пивных баров. Его многочисленные осведомители, с которыми полковник не прерывал связи с лейтенантской юности, даже не подозревали о подлинных возможностях Геннадия Васильевича. Для них он, как и прежде, оставался Василичем, у которого всегда можно было стрелкнуть денег на бутылку пива и попросить сигарету.

Сейчас Крылов пребывал в том чине и в том возрасте, когда можно было посиживать в собственном кабинете, давая задания подчиненным, накручивая хвосты нерадивым. Но он, обладая настоящим талантом розыскника, предпочитал вникать во все дела лично. Тем более что подобная активность сулила немало приятных моментов. Например, среди его информаторов были официантки престижных ресторанов и топ-модели. Приватный разговор с ними частенько происходил на одной из конспиративных квартир. Отказываться от такого общества было грех.

Несмотря на кажущуюся простоту и доступность, полковник Крылов скорее был личностью закрытой и непредсказуемой. Даже сейчас Чертанов не был уверен в том, что эта комната в коммуналке, где они разговаривали, принадлежит дальнему родственнику Геннадия Васильевича, несмотря на все его заверения. Наверняка сосед, угрюмый долговязый дядька с вытянутым лицом, тоже из бывших оперов, а сейчас выполнял приватные поручения Крылова. Чертанов не исключал, что в то самое время, когда они разговаривают,

сосед с интересом рассматривает гостя через записывающую сверхчувствительную оптику.

Чертанов поспешно поднялся следом за полковником:

– А кто же все-таки будет моим непосредственным начальником?

Геннадий Васильевич неожиданно расхохотался:

– Ха-ха-ха-а! Скорее всего, я. Или ты не рад?

Чертанов пожал плечами:

– Нет, отчего ж...

– Так что нам никуда не деться друг от друга. – И уже серьезно, мгновенно убрав с лица улыбку, Крылов добавил: – Знаешь, мне самому интересно заняться этими делами. Ладно, пойду я. Поговорим еще, пообстоятельнее, – пообещал он.

* * *

О своем новом назначении Михаил Чертанов особо не распространялся, но уже вечером новость обошла все управление, и сослуживцы, наведываясь к нему в кабинет, сдержанно принесли ему свои поздравления: кто со скрытой иронией, кто с заметным сарказмом, а кто и всерьез полагал, что образование новой группы – это качественный скачок в карьере майора Чертанова по прозвищу Бес. Как бы там ни было, время должно все прояснить.

Откинувшись на спинку стула, Чертанов помассировал

веки. Открыв глаза, он несколько минут рассматривал противоположную стену, на которой красовались календари с весьма выразительными особами. Размещались они здесь уже давно, а потому за давностью лет некоторые персоны перешагнули цветущий возраст и в жизни были не столь свежи, какими виделись на плакатах, но все-таки не настолько старыми, чтобы отсутствовало желание познакомиться с ними поближе. К этим плакатам-календарям Чертанов настолько привык, что перестал замечать их, и вот сейчас, сосредоточившись, с изумлением увидел, что друзья-коллеги понаписали по углам календарей непристойности.

Черт бы их побрал!

Календари придется снять, хотя и жаль. Он, например, был привязан к худощавой брюнетке с синющими глазами и в невероятно узком бикини. Слегка расставив ноги, она, приоткрыв хорошенький ротик, немислимо белыми зубами сжимала свой озорной указательный пальчик. У Чертанова всегда невольно возникало желание предложить ей нечто более существенное.

Первое время полковник Крылов всерьез намеревался забрать этот содержательный плакат себе. Остановил его только отчаянный протест Чертанова. Вряд ли начальник отдела намеревался держать подобную красоту в своем рабочем кабинете, наверняка хотел приклеить где-нибудь на стене конспиративной квартиры, чтобы полностью соответствовать имиджу стареющего плейбоя. В ящике стола Крылов

держал колоду карт, на которой были запечатлены голые девицы. Не бог весть какая эротика, но расписывать пулю с приятелями Геннадий Васильевич предпочитал именно этими картами.

Чертанов был настолько очарован брюнеткой, что даже по своим милицейским каналам разузнал о ее жизни. Как выяснилось, она была не профессиональной моделью, а студенткой престижного вуза и столь «выразительные» снимки для нее были не чем иным, как существенным подспорьем к «невыразительной» стипендии.

Вуз брюнетка так и не закончила. На четвертом курсе она вышла замуж за какого-то стареющего миллионера и вот уже пять лет как проживала в огромном поместье недалеко от Лос-Анджелеса. Как-то на глаза Чертанову попалась фотография его прелестницы. Брюнетка со счастливой улыбкой раскачивалась в гамаке, нацепив на остренький нос огромные черные очки. Располневшая, с заметно выпирающим брюшком, она уже не гляделась верхом совершенства. Собственно, ничего удивительного в этом не было, как известно, сытая жизнь не способствует красоте фигуры. Теперь только фотография, висевшая в углу комнаты, напоминала, что природа способна дарить и вот такие совершенные экземпляры человеческой природы.

Глаза успели отдохнуть. За последние несколько часов Михаил сумел пересмотреть груды оперативного материала, прочитал всю криминальную хронику и даже пролистал пе-

риодику за последние полгода. Однако не обнаружил ничего такого, что пролило бы свет на произошедшие преступления. Жертвы были разными, встречалась и расчлененка, но женщины, задушенные лифчиком и без пальцев на руках, отсутствовали.

У Чертанова сложилось впечатление, что в Подмосковье орудует по крайней мере с пяток серийных убийц. Окажись подобная информация в газетах, так наверняка в многомиллионном городе случился бы немалый переполох.

Особенно его заинтересовали материалы в журнале «Криминал», подписанные неким Максимом Мучаевым. Свое дело парень знал отменно, писал очень живо и весьма толково. В его статьях чувствовалась могучая фактура, без которой любое журналистское расследование представляется мыльным пузырем. Напрашивался вывод, что он имел весьма серьезный источник информации в милиции. Может, даже и не один. Чертанов уже хотел было убрать материалы, когда неожиданно его внимание привлекла небольшая заметка в «Криминале», в которой рассказывалось о том, что под Зеленоградом недавно был обнаружен труп девушки, задушенный предметами нижнего белья. Странная, однако, формулировка. Что это, трусики или, может быть, бюстгальтер? Об отрубленных конечностях не сообщалось, но этот случай явно был похож на преступления, что случились поздней осенью в прошлом году. Труп обнаружил любитель весенней «тихой охоты» – грибник, вышедший на поиски сморчков.

Под заметкой стояла фамилия вездесущего журналиста Мучаева.

После некоторого колебания Чертанов набрал номер редакции.

– Слушаю, – раздался глуховатый голос на противоположном конце провода.

– Здравствуйте, можно пригласить к телефону журналиста Максима Мучаева?

– Я вас слушаю, – в голосе отчетливо послышались насто-роженные нотки.

– Вам звонят из Московского уголовного розыска...

На сей раз в голосе прозвучала явная заинтересованность:

– А кто, простите?

– Мое имя вам, наверное, ничего не скажет. Меня зовут Михаил Чертанов.

Мучаев почти обиделся:

– Почему же не скажет? Еще как скажет! Вас еще называют Бесом!

– Верно, – удивился Чертанов, – вы хорошо осведомлены.

– Работа у меня такая. Как известно, журналиста ноги кормят. Так что мы мало чем отличаемся от волков. Вы что-то хотели мне сообщить? – Голос Мучаева стал на полтона ниже. – Только я вас сразу хочу предупредить: мы даем хорошие деньги только за очень интересную информацию.

Чертанов невольно хмыкнул. Чувствовалось, что хватка у журналиста бульдожья. С таким методом работы он должен

добиться очень многого.

– А вы, однако, бойкий малый, как я погляжу, – беззлобно сказал Михаил. – Только если вы действительно обо мне слышали, то должны знать, что Бес не продается!

– Могут быть разные обстоятельства, – виновато протянул Мучаев. – Например, вы можете попасть в затруднительное финансовое положение... – Чертанов невольно расхохотался. – Только не надо смеяться, так бывает...

– Ладно, оставим. Давайте встретимся. Я читал ваши статьи в журнале «Криминал». Мне кажется, что у нас найдется тема для разговоров.

– Когда?

– Скажем, завтра. Я подъеду в Зеленоград, и мы встретимся. Часа в два около входа в редакцию?

– Хорошо, я буду вас ждать.

* * *

Редакция журнала размещалась на первом этаже одной из многоэтажек близ площади Юности. До начала встречи оставалось десять минут, и Чертанов устроился на скамейке, в тени густого клена, так, чтобы держать под наблюдением выход из редакции.

Изучив статьи Мучаева, он составил о нем некоторое представление. Михаил даже примерно прикинул, как должен выглядеть журналист, и ему не терпелось сравнить свой

вымысел с оригиналом.

Коротенькая часовая стрелка неумолимо приближалась к условленному времени, но Мучаев все не объявлялся. А тут совсем некстати на краешек скамейки присел какой-то узкоплечий хмырь с седой бородой и, несказанно раздражая Чертанова, принялся надувать из жвачки большие пузыри. Приходилось мириться с неприятным соседством, такому не скажешь, чтобы пересел отсюда подальше, так как намечается конфиденциальная беседа.

И все-таки Максим Мучаев появился ровно в четырнадцать ноль-ноль, правда, совершенно не с той стороны, откуда ожидал его Чертанов. Набаловавшись жвачкой, хлипенький мужичонка выплюнул ее себе под ноги и повернулся к Чертанову:

– Вы случайно не меня ждете? Я – Максим Мучаев.

Михаил удивленно повернулся. Переиграл!

– Вас, – неодобрительно буркнул Чертанов. – Вы сидите здесь уже пятнадцать минут... А сразу не могли представиться? Если хотели меня удивить, то считайте, что добились своего. А потом, к чему такая конспирация?

Журналист покачал головой:

– Нет, вы не правы, я наблюдаю за вами уже тридцать восемь минут, – он посмотрел на часы. – Я знал, с какой стороны вы должны подъехать. Мне пришлось выйти из редакции пораньше, чтобы не пропустить вас. Извините, но в моем распоряжении оказалась даже ваша фотография...

– Ее нетрудно получить, имея такое огромное количество друзей в милиции.

– Возможно, – улыбнулся Максим.

– И что же я делал?

– Вы остановились около табачного киоска. Купили пачку «Мальборо». Сразу распечатали ее и вытащили сигарету. Но почему-то закуривать не стали и долго перекатывали ее между пальцами.

– У меня такая привычка, прежде чем закурить, я разминаю табак, – буркнул Чертанов.

– Не страшно, но даже эта привычка может много сказать о человеке. Закурили вы сигарету вон под тем тополем. Наверное, специально ушли в тень, чтобы спрятаться от излишне любопытных взглядов и чтобы самому осмотреться.

– А вы догадливы, – усмехнулся Чертанов. – И очень наблюдательны.

– Не без того, профессия обязывает.

– А где же вы сами находились все это время? Я вас не видел.

– Вот в этом магазинчике, – журналист кивнул на павильон, находившийся за спиной. – В нем большие окна, как в аквариуме! Видно всех, кто находится на улице, зато меня совершенно никто не замечает. Вы обратили внимание на то, что окна в этом магазине зеркальные?

– Я вообще не смотрел в ту сторону. Вы всегда такой осторожный?

Мучаев развел руками:

– Что поделаешь, род занятий обязывает. Вы слышали о том, что профессия журналиста одна из самых опасных в мире?

– Приходилось.

– Мне же пришлось понять это на собственной шкуре. – Он расстегнул ворот рубахи и, повернув слегка голову, произнес: – Взгляните на мою шею... Что вы там видите?

Чертанов слегка подался вперед, заглядывая за ворот. Зрелище было неприятным – кривой широкий багровый шрам уходил вниз от ключицы.

– О перышко поцарапались?

– Верно, – кивнул Мучаев, застегивая ворот. – Этот порез я заработал три года назад, когда вообразил себя частным детективом и попробовал проследить за одной прекрасной особой, замешанной в отмывании черного нала. Меня попытался зарезать ее любовник, который вообразил, что я его соперник. Хотя о чем тут может быть речь, посмотрите на меня. – Красноречивым жестом журналист указал на себя. – Разве я могу кому-то составить конкуренцию? – И, расценив молчание Чертанова по-своему, добавил: – Вот то-то и оно!

Журналист сумел выжать у Чертанова улыбку. Забавный, однако, дядька. С первого взгляда было видно, что он из той непоседливой человеческой породы, что не умеет жить тихо. Но по-своему существо безобидное. Чертанова поразило то, что слово «заработал» он произнес с таким достоинством,

словно получил медаль за спасение на пожаре.

– Мне бы не хотелось снимать рубашку, но на правом боку у меня след от пули. В тот раз мне повезло, пуля прошла по касательной.

– В то время вы писали о зеленоградской группировке, – кивнул Чертанов.

– Верно, – уважительно взглянул на него журналист. – Вы в самом деле прочитали многие мои материалы.

– Я тоже немного подготовился к встрече с вами. Насколько мне известно, вы все время писали об организованной преступности, почему же сейчас вы неожиданно заинтересовались маньяками?

Журналист усмехнулся:

– Здесь нет ничего удивительного. Скажем так, это эволюционный рост. Для убедительности могу привести такой пример... Сейчас самой мощной и кровожадной бандой считается банда Карлика. За четыре года своего существования они убили одиннадцать человек. А серийный убийца способен уничтожить за это время несколько десятков! И это понятно... Бандитов интересуют в первую очередь деньги. Устранение свидетеля или конкурента для них всегда крайняя мера. А для маньяка убийство людей – это в первую очередь удовольствие, жизненная необходимость. Для большинства из них деньги ничего не значат. А теперь скажите мне, кто же страшнее, организованные бандиты или серийный убийца?

– Вот как вы ставите вопрос. – Чертанов выглядел заметно озадаченным. – Вы забываете о том, что одна такая банда может терроризировать целый город.

Журналист печально улыбнулся:

– Вижу, что вы совершенно незнакомы с методами маньяков.

– Я занимаюсь ими недавно, – честно признался Чертанов.

– А для меня же за последние пару лет это главный вопрос! Так вот, хочу вас заверить, что даже один маньяк способен терроризировать такой город, как Зеленоград. Хотите пример?

– Хотелось бы послушать.

– Пожалуйста! Когда я был еще пацаном, то в нашем городе объявился маньяк, который вспарывал животы женщинам. Весь город знал, что происходит это после десяти вечера. Об этом говорили на всех базарах. – Мучаев заметно волновался: – Я вам хочу сказать, что в позднее время на улицах невозможно было встретить одиноко идущую женщину. Затем вдруг выяснилось, что маньяк убивает девушек до двадцати пяти лет. Женская половина города начинала понемногу оживать, и в полночь можно было встретить даже старух. Они уже больше не боялись. В мое время, когда я рос, всю оперативную информацию можно было услышать на рынках. И, надо сказать, слухи частенько соответствовали действительности. А вы говорите, что маньяк не способен затерроризировать город... В тот год в Зеленограде было

убито двенадцать женщин. Всем думалось, что это какой-то монстр с горящими угольями вместо глаз да с зубами вампира. А маньяком оказался весьма щуплый мужичонка интеллигентного вида. В его облике совершенно не было ничего сатанинского. В то время в газетах об этом много писали. Недавно я разыскал все эти публикации. Причем наиболее интересные из них сейчас находятся в моем архиве. В Зеленограде это был не единственный маньяк. Примерно в это же время орудовал еще один, его так и не изловили. Так вот характер ранений и то, что он отрезает конечности, всецело соответствует тому, что сейчас обнаружилось на Дмитровском шоссе. А хотите, я вам приведу пример из моей журналистской практики?

– Интересно будет послушать.

– Мне довелось около двух лет работать в Мегионе, как раз в то время, когда там объявился маньяк. Может быть, слышали об этом?

– Нет.

– Ну, это неважно, – махнул рукой журналист. – Он убивал женщин, которые носили зеленые платья. Стоило только этой информации появиться в прессе, как на следующий день невозможно было увидеть женщину в зеленом. Они наряжались в какие угодно цвета, но только не в зеленые. Не обнаружив в городе привычных красок, маньяк принялся насиловать и убивать женщин, которые ходили в красном. Теперь с улиц города исчез уже красный цвет. Хочу вам ска-

зять, что дело доходило вообще до смешного. Коммунисты на своих митингах даже отказались от красного цвета и вместо него использовали синий. И все затем, чтобы не раздражать серийного убийцу! – Тут следовало бы улыбнуться, но делать этого почему-то не хотелось. – Так что дело куда серьезнее, чем представляется на первый взгляд.

– Согласен. Я вам не сказал, но сейчас я возглавляю группу, занимающуюся поисками серийного убийцы...

– Давно пора организовать такую группу, – оживился Муцаев. – Отлавливать простого уголовника и охотиться за маньяком, уверяю вас, это совершенно разные вещи. Уголовник всегда имеет характер, в нем заложен какой-то свой стержень, что делает его узнаваемым. Линия поведения у таких людей, как правило, не меняется, характер их преступлений может быть четко обозначен и различим даже через много лет. А маньяки – это в первую очередь отменные приспособленцы, у них отсутствует, если так можно выразиться, хребет, и поэтому они способны подстроиться к любой обстановке.

– Интересное наблюдение. Буду иметь в виду, – пообещал Чертанов. – Я у вас вот что хотел спросить...

– Спрашивайте, – охотно кивнул журналист.

– В своей последней статье вы написали о том, что одна из последних жертв маньяка была задушена каким-то предметом женского белья. Это что, обыкновенная журналистская уловка, чтобы привлечь читателей?

Время за разговором летело незаметно. Солнышко, двигаясь по небосводу, уверенно отодвинуло тень, что укрывала скамейку, и теперь беседа проходила на самом солнцепеке.

– Вы намекаете на тираж нашего журнала?

– Да.

– Тираж журнала и так достаточно высок, так что мы не бедствуем. Интерес к криминальным темам существовал всегда и будет существовать, думаю, и дальше. А что касается лично меня, так я предпочитаю писать правду. Женщина была задушена собственными трусиками. – Неожиданно его лицо посуровело. – Кажется, я вас понимаю... Это вы к тому, что все женщины на Дмитровском шоссе были задушены бюстгальтерами?

Чертанов обратил внимание на то, что журналист находился в более выгодном положении. Он сидел спиной к солнцу, и ему не нужно было щуриться, чтобы рассмотреть своего собеседника, даже наоборот, он имел возможность наблюдать за малейшими изменениями мимики Чертанова. А если он был настоящим психологом, то мог вынести немало полезного из их разговора. Шансы следовало уравнивать.

– Может быть, немножечко пройдемся? – невинным тоном предложил Михаил, вставая. – А то мы тут с вами засиделись, да и солнышко печет. Сидим, как на сковородке.

– Куда пойдем? – не стал возражать журналист.

– Да все равно... У меня есть серьезные основания предполагать, что женщина, погибшая в Зеленограде, была убита

маньяком, который орудовал на Дмитровском шоссе.

Журналист отрицательно покачал головой:

– Это невозможно. Поверьте мне, ее убил совершенно другой человек.

– Откуда такое предположение?

– Совершенно другой способ убийства! Я не исключаю, конечно, того, что кто-то убил эту женщину, стараясь подражать маньяку с Дмитровского шоссе. Так бывает! В психиатрической медицине такое называется эффектом подражания. Но я не исключаю, что этот частный случай может вылиться в новую серию убийств.

– Для этого есть основания?

– Разумеется! – охотно ответил Мучаев. – По-своему все маньяки честолюбивы. Прочитав нечто подобное, так сказать, о своем коллеге в солидном издании, он испытывает желание не отстать, в нем пробуждается жажда убийства, которая может очень долго прятаться. И бывает разбужена или спровоцирована вот такими преступлениями.

– Вы хотите сказать, что подобные публикации в прессе могут быть катализатором жажды убийства, что до времени таилась в нем?

– Вот именно! Я допускаю, что долгое время он боролся с этим, всячески пытался заглушить. Но на это уходило очень много душевных сил, и он просто устал сопротивляться...

– Кажется, я начинаю вас понимать.

– А относительно этого убийства я вам вот что скажу: у

всех маньяков свой почерк. Если он душит женщин бюстгальтером, то он так и будет это делать.

– С чем же это связано?

Журналист задумался:

– Этот вопрос не ко мне. На него может ответить только психолог. Я думаю, что это связано с его каким-то душевными переживаниями.

– Значит, вы не можете допустить возможности, что убийство может произойти как-то иначе?

– Может, но это будет всего лишь отдельный и не характерный эпизод! – убежденно заявил журналист.

– И он вновь вернется, так сказать, к старому способу?

– Да.

– Взгляните, – протянул ему Чертанов небольшой клочок бумаги.

– Что это? – недоуменно произнес Мучаев.

– Это билет в кинотеатр, находящийся в вашем городе. Он найден недалеко от того места, где произошло первое убийство. А вот это автобусный билет на один из маршрутов в вашем же городе. Был найден рядом со вторым трупом. Так вот, у меня создается впечатление, что маньяк живет в Зеленограде.

Журналист приостановился и с интересом посмотрел на майора:

– Зачем вы мне все это говорите? Вам же не нужно вознаграждение.

Чертанов невольно поморщился:

– Странный вы человек... Неужели вы думаете, что все это я говорю вам ради какого-то вознаграждения? Я бы хотел с вами сотрудничать. Скажем так, я бы не обиделся, если бы эта информация появилась в печати.

Мучаев удовлетворенно кивнул:

– Хорошо... Хотите заставить его понервничать, чтобы он как-то выдал себя? Возможно, это неплохая идея. Такая информация появится. Знаете, я как раз сейчас готовлю статью, и там я непременно выдвину вашу версию. – Сунув руку в карман, он извлек визитную карточку. – Я тоже рад нашему знакомству. Если что-нибудь появится интересное – звоните!

– Я не могу предложить вам визитку, у меня ее просто нет, – усмехнулся Чертанов.

– Ваш номер телефона я знаю и так.

– Даже домашний? – удивился Михаил. – Его нет в телефонном справочнике.

– А разве это имеет какое-то значение? – пожал плечами журналист. – Да, кстати, а может быть, вы надумали вести с ним диалог через меня? Вы же уверены, что он читает наш журнал.

– Не думаю, что это будет хорошей идеей, – задумчиво ответил Чертанов и, кивнув на прощанье, направился к машине. – Хотя... как знать!

Глава 5

УБИЙЦА КОНТРОЛИРОВАЛ СИТУАЦИЮ

Чертанов полагал, что серийные убийцы – народ в высшей степени честолюбивый. Известно, что многие из них собирают о себе вырезки из газет и оклеивают ими стены своего жилища. Если маньяк злодействует длительное время, то подобных статей у него может набраться на несколько папок. Где-то в глубине души у Михаила таилась надежда, что маньяк, прочитав статью о себе, надумает выйти на контакт. Но этого не произошло. Вместо этого совсем недалеко от того места, где любителем сморчков был обнаружен труп девушки, было найдено еще одно тело молодой женщины, убитой, судя по всему, совсем недавно.

О страшной находке Чертанову сообщил дежурный офицер казенным голосом, без всякого эмоционального всплеска. Для парня это был обыкновенный рабочий эпизод, пусть страшный, но рядовой. В большом городе смерть – дело каждого дня, и очень часто ее причины имеют криминальный характер. А потому следовало побереечь душевные силы, иначе никакого здоровья не хватит.

В произошедшей трагедии Чертанов обвинял исключительно себя. Статью Мучаева маньяк мог воспринять как вы-

зов, а потому решил нанести ответный удар. Собственно, так оно и было, если труп женщины был обнаружен недалеко от того самого места, где была найдена первая жертва. Это убийство следовало воспринимать так, словно маньяк хотел сказать: «Рано вы меня хороните, я здесь, я существую и способен принести вам немало неприятностей!»

Услышав роковое сообщение, Чертанов невольно потянулся к холодильнику. Первой его реакцией было желание заглушить голос совести стаканом холодной водки. По опыту он знал, что подобная терапия весьма эффективна под селёдку, в одиночестве можно сполна предаться самобичеванию. Михаил даже откупорил бутылку, но в последний момент остановился, решив, что ситуацию должен воспринимать адекватно. В такие минуты он превращался в сплошной оголенный нерв.

Подняв трубку телефона, он набрал номер психотерапевта Шатрова.

– Дмитрий Степанович?

– Слушаю, – отозвался равнодушный голос.

Чертанов невольно позавидовал его спокойствию.

– Это майор Чертанов. Вы сказали, что я могу позвонить вам, если вдруг у нас возникнут проблемы...

– Говорил. Мне выезжать? – ответил Шатров все тем же невозмутимым голосом. – Мне бы хотелось осмотреть труп на месте. От того, как он лежит и что именно произошло с телом, зависит и точность психологического портрета пре-

ступника.

– Пока вы не осмотрите труп, его не уберут... Я уже отдал распоряжение.

– Вот и прекрасно!

– За вами уже выехала машина.

– Хорошо, я жду.

* * *

То, что Дмитрий Степанович был не брезглив, выяснилось с первых же минут его работы. Он заглядывал в такие места, что у всякого нормального человека от смущения светло бы скулы. Но мнение окружающих его не интересовало. Возможно, он даже и не видел людей, обступивших место преступления. В настоящий момент наибольший интерес у него вызывал труп молодой девушки, лежащей на уже подсохшей поляне.

Проделав свою работу, он снял резиновые перчатки, аккуратно свернул их и положил в сумку. После чего долгим взглядом обвел людей, стоящих по ту сторону оградительной ленты. Отыскав среди них Чертанова, он приподнял узенькую ленточку и уверенно прошел под ней.

– Вы что-нибудь обнаружили? – не скрывая волнения, спросил Чертанов.

– Кажется, я начинаю понимать, с кем нам приходится иметь дело. Случай более серьезный, чем я представлял в

самом начале, – неторопливо заговорил Дмитрий Степанович. – Судя по тому, как действовал убийца, он очень хладнокровный человек и совершенно ничего не боится. Среди маньяков подобные экземпляры встречаются нечасто... Посмотрите, как лежит девушка, – кивнул Шатров в сторону трупа.

Девушка лежала, вытянувшись во весь рост, ноги согнуты в коленях и слегка раздвинуты. Черное платье поднято к шее, а вот лицо выглядело совершенно безмятежным. В нем нельзя было увидеть предсмертной муки. Руки раскинуты по сторонам, словно она собиралась взлететь. Наверняка у нее бы получилось, жаль только, что полет был прерван.

Чертанов понимающе кивнул.

– И какие ваши выводы?

– Видите, у нее раскинуты руки?

– Вижу, – негромко ответил Михаил.

– Согласитесь, что для женщины, которую насилуют, а потом должны убить, это весьма неестественное положение. Руки у женщины в таких ситуациях всегда в борьбе. Если так можно выразиться... Они одновременно и оружие, и щит! Например, она может расцарапать лицо насильнику. В данном случае ничего такого не происходило. Сопrotивления не было, следовательно, они были знакомы. Я так могу предположить... Я даже не исключаю того, что они были очень хорошо знакомы!

– Возможно, что так оно и было в действительности. Что

вы еще можете сказать?

Девушку укрыли простыней, спрятав ее наготу. За разговором Чертанов даже не заметил, когда это произошло. Нелегко ей было лежать неприкрытой под мужскими взглядами.

– Вы обратили внимание, как она лежала?

– Разумеется.

– Она лежала в неестественном положении. Никаких, как бы это сказать, «предсмертных» движений. Она должна была сжаться! В этом же случае ничего подобного не происходило. У меня впечатление, что маньяк исполнял какой-то свой ритуал, но какой именно, сказать трудно.

– С чего вы взяли?

– Низ ее живота он изрезал ножом. Лезвие тонкое, хирургическое.

– Для чего же он это сделал?

– У меня есть ответ на этот вопрос, – уверенно ответил Дмитрий Степанович. – Маньяк хотел утвердиться в своей власти над жертвой. Кстати, хочу сказать, что девушка была изнасилована до убийства.

Чертанова невольно передернуло:

– Разумеется, что до убийства, не станет же он насиловать мертвую.

Дмитрий Степанович снисходительно улыбнулся. В общем-то ничего странно нет, если разобраться, оперативники далеки от основ психологии.

– А вот здесь я с вами не согласен. Он мог изнасиловать ее и после того, как убил. В этом случае он тоже утверждает над ней. И момент, когда это произошло, является определяющим для составления психологического портрета, – веско заметил Шатров. – Давайте отойдем. . .

Чертанов последовал за психологом.

Поведение и облик Шатрова никак не вязались с характеристиками, которые давали ему коллеги. В его лице не было ничего такого, что указывало бы на гениальность. Тишайший человек! Даже сейчас он попросил отойти в сторону, чтобы не быть атакованным любопытствующими взглядами.

– Не надо забывать, что маньяк получает абсолютную власть над жертвами, – размеренным голосом говорил Дмитрий Степанович. Видно, таким же тоном он читал лекции, и у Чертанова невольно возникло ощущение, что он присутствует в студенческой аудитории. – Если он насиловал жертву до того, как убить ее, то в нем после свершения акта должна подняться волна омерзения к себе. В этот момент он ненавидит себя куда больше, чем жертву, которая, по его мнению, искусила его на этот грех. Отвращение к себе просто сжигает его изнутри! Тогда он старается скрыть следы своего преступления и поэтому закапывает свою жертву. – Подумав, он добавил: – Но может спрятать куда-то в укромный уголок.

– Например, завалить лапником, как в нашем случае? – кивнул Михаил.

– Вы правильно заметили.

– А если он насилует после того, как произошло убийство?

Санитары осторожно подняли безжизненное тело и уложили его на носилки. Правая рука, аккуратно уложенная на живот, вдруг неожиданно выскользнула из-под простыни и, свесившись, теперь раскачивалась при каждом шаге. Чертанов не мог оторвать взгляда от узкой ладони с длинными пальцами. На безымянном пальце сверкнуло золотое колечко с небольшим изумрудом. Значит, пальцы обрублены на левой руке. Нужно будет уточнить.

– Это более тяжелый случай. – Почему-то Шатров ожил. Скорее всего, в нем вспыхнул профессиональный интерес. – К нашему делу он не имеет никакого отношения, хотя психика маньяка может меняться. По натуре он трус и всегда нападает внезапно, когда жертва ничего не подозревает. Маньяк просто опасается своих жертв, он даже не смотрит им в глаза.

– Почему?

Шатров задумался:

– Сложный вопрос... Возможно, ему не хватает духа. А может, ему кажется, что жертва способна угадать его дурные намерения.

Громко хлопнула дверца кареты «Скорой помощи». Чертанов невольно посмотрел в ту сторону. Санитары, наслаждаясь заслуженным покоем, раскуривали сигареты. Как раз тот самый случай, когда не нужно никуда торопиться. Глотая

дым, они негромко разговаривали, кивая на место преступления. В глазах равнодушие, какое можно встретить только у могильщиков со стажем. Вряд ли они помнят всех покойников, что им довелось перетаскать на санитарных носилках. Вот у кого следовало бы поучиться невозмутимости! Наверняка после дежурства примут стопочку спирта для очищения сосудов, а заодно помянут усопшую.

Шатров продолжал:

– Но в обоих случаях маньяк обязательно проводит над своей жертвой какой-то определенный ритуал. В противном случае его действия будут лишены всякого смысла.

– Что именно вы имеете в виду?

– Это может быть зверское изнасилование. Он может искромсать свою жертву на куски, может отрубить ей конечности. Но момент ритуала присутствует всегда!

– А если все-таки возвратиться конкретно к первому случаю, что вы можете добавить?

– Те серийные убийцы, что насилуют до убийства, бывают, как правило, очень обаятельны. Подавляющее большинство из них хороши собой, они способны увлечь даже самую капризную и красивую женщину. Если хотите, даже влюбить ее в себя! Кроме того, они идут на всяческие выдумки, чтобы добиться внимания интересующей их женщины. В моей практике встречался, например, такой клиент, который надевал на ногу гипс и просил своих потенциальных жертв помочь ему перейти дорогу. Другой представлялся фотогра-

фом из столичного журнала и говорил, что ищет новые лица для обложки. Так что приемы могут быть самые различные. Многие из маньяков имеют очень высокий интеллект, значительно превосходящий среднестатистический. Они могут быть людьми творческих профессий. У меня был такой пациент... Музыкант! Представьте себе, очень даже талантливый. Его песни занимали первые места в хит-парадах...

– Как по-вашему, сколько лет убийце? – перебил его рассуждения Михаил.

– Судя по тому, что здесь происходило, то я смело могу сказать, что убийца контролировал ситуацию. Действовал он обстоятельно и не торопился. Если так можно выразиться, то маньяк смаковал свое злодеяние, получая от каждого мгновения невероятное наслаждение. Следовательно, преступнику, скорее всего, за тридцать лет. – Задумавшись, Шатров добавил: – А может, даже за сорок. Или около того. Сразу видно, что для него это не первое дело, он знает толк в зверствах. Наверняка за ним гора трупов. Он уже давно привык к тому, что происходит в его подкорке. Маньяк сумел даже приспособить к ним свой образ жизни.

– Мне совсем непонятно, что же представляет собой маньяк, так сказать, без стажа?

– А для молодого человека перемены, происходящие в его сознании, пока что еще в диковинку. Он всегда действует спонтанно. Скажем так, импульс, побуждающий его к действию, равносителен внезапному оргазму. В силу своей мо-

лодости он нетерпелив, а потому старается расправиться с жертвой побыстрее, не обременяя себя после этого сокрытием следов. Если маньяка не поймать сразу же после первых убийств, то сделать это потом будет уже значительно труднее. Он заматерееет, наберется опыта и станет вести себя более осторожно. Знаете что, давайте встретимся завтра, – неожиданно предложил Дмитрий Степанович. – У меня имеются еще кое-какие соображения. Но мне хотелось бы все как следует взвесить.

– Я понимаю, – кивнул Чертанов. – Тогда до завтра, – протянул он руку.

Ладонь у Шатрова оказалась слегка влажной. Так бывает, когда человек слегка волнуется. Вот только с чего бы это Дмитрию Степановичу нервничать? Ведь он выполняет обыкновенную привычную работу.

– Всего наилучшего.

К месту преступления Шатров приехал на темно-вишневой «девятке». Машина была явно не первой свежести. Но внешний вид собственного автомобиля доктора Шатрова, похоже, не волновал. Поковырявшись в замке, Дмитрий Степанович решительно распахнул дверцу и уверенно устроился в машине. В этот момент выражение его лица изменилось. «Такого к обочине не прижмешь!» – с улыбкой подумал Чертанов.

– Что-нибудь есть? – подошел Чертанов к Балашину, стоящему у ленточки ограждения.

Кирилл взглянул на коллегу и сказал:

– Кое-что имеется. Например, нашли обломки видеокассеты. Было бы очень неплохо снять с них пальчики. Но нет никакой гарантии, что они относятся к делу. Можно потратить массу времени и в итоге ничего не «нарыть»!

– Верно, – согласился Чертанов. – А тут дорога каждая минута.

– Убитая сжимала в кулаке кусок белой ткани. Такое впечатление, что девушка оторвала его с одежды убийцы.

– Под ногтями есть следы крови?

Эксперт отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Что это за материя?

Балашин неопределенно пожал плечами:

– Сказать пока трудно. Точные результаты будут известны после лабораторных исследований. Могу только предположить, что это похоже на кусок белого халата. Такие носят продавцы, медсестры, врачи... Да, собственно, кто угодно! У меня у самого дома такой халат где-то валяется.

– Понятно... Еще что-нибудь имеется?

– Обнаружены четкие отпечатки обуви. Размер сорок третий. Судя по протекторам, обувь дорогая. Знаешь, бывают такие английские ботинки. Попробуем выяснить... А вы что-нибудь обнаружили?

Михаил отрицательно покачал головой:

– Ничего... Разве что этот бюстгальтер на шее... Убийца

действовал не спеша. Знал, чего хочет, и был уверен, что ему никто не помешает. Место здесь глухое, народ показывается редко. А если все это происходило ночью, так тут кричи не кричи, все равно никого не дозовешься.

– У меня возникло ощущение, что она даже не кричала, – задумчиво сказал Балашин. – Возможно, она даже не знала, на что шла.

– Фотографию девушки покажем в «Криминальной хронике». Нужно установить ее личность.

– Я поговорю с Тузовым, он умеет работать с трупами. Так что на фотографии она будет как живая.

Глава 6

«МУТНЫЕ ДЕЛА»

Варяг вставил в видеомэгнитофон кассету. Это был материал из «Криминальной хроники». Нельзя сказать, что бы Варяг был большим любителем этой передачи, – смотрел ее от случая к случаю, – съемки произошедших преступлений, как правило, сопровождались репортерским комментарием, весьма далеким от действительности, а это раздражало. Возмущала самоуверенность журналистов, которым казалось, что они знают о преступном мире очень много, но на самом деле их знания не простирались дальше покойника, лежащего на асфальте с простреленной головой. А скороспелые выводы, которые они делали во время передачи, не имели никакого отношения к реальности.

Но на этот раз смотрящего заинтересовала полная версия программы, а не те ее фрагменты, что прошли в эфир. За эксклюзив пришлось раскошелиться, но деньги в таком вопросе не главное. Дело в том, что был убит Башка, авторитетный положенец из Ярославля. В следующем месяце ему предстояло короноваться, и было очень жаль, что он не сумел дожить до своего звездного часа. В его короновании Варяг был заинтересован больше остальных. Башка всегда был готов поддержать смотрящего по России даже с закрытыми глазами, не вдаваясь в ситуацию. А все потому, что он очень

доверял Владиславу и твердо знал, что там, где смотрящий, косяка быть не может. Варяг никогда не пожелает подписываться на сомнительное дело, ведь на кону – его собственная репутация. И подтверждать свой авторитет приходилось чуть ли не ежедневно.

Варяг подозревал, что Башку убрали не случайно. Скорее всего, из-за того, что Варяг в его лице заполучил бы на толковище одного из самых преданных своих сторонников. В Москве Башка появился инкогнито, в сопровождении телохранителя и шофера, и, являясь доверенным смотрящего по Ярославлю, хотел встретиться с Варягом. Отсюда возникло предположение, что убийство было как-то связано с предстоящим визитом Башки. Следовательно, он хотел сообщить Варягу нечто такое, что сильно осложнило бы кое-кому жизнь. Вот они и поспешили убрать носителя опасной информации.

О предстоящем визите Башки знало только самое ближайшее окружение Варяга, для всех остальных он продолжал оставаться в Ярославле и, запершись на даче, хавал без устали «Флагман». Но то, как было спланировано убийство, свидетельствовало, что исполнитель знал о каждом шаге положенца и сумел выбрать для выстрела наиболее благоприятный момент.

Дело обстояло так: Башка, выйдя из машины, направлялся к дому, в котором обычно останавливался в Москве. До подъезда оставалось всего лишь девять шагов. По сути, не

так уж и много, их можно было бы преодолеть быстрым шагом. Но кто же знал!

Шестой шаг для Башки оказался роковым. Телохранителю, находившемуся рядом, оставалось только кусать локти от бессилия. В смерти босса его вины не обнаруживалось, но телохранитель, прозевавший пулю, всегда виноват. Это аксиома! А потому его следовало наказать. Из ценного работника он в одно мгновение превращался в отработанный материал. Шлак по-другому! Экзекуция, как правило, бывала показательной, чтобы остальная охрана задумалась, что большие деньги выкладываются не за просто так. И спрос за плохую работу бывает самый суровый.

Уже через пятнадцать минут после выстрела к дому подъехали люди Варяга. По существу, они появились за минуту до появления съемочной бригады. Одному из них показалось, что он узнал в толпе зевак Кота, киллера, который одно время работал вместе с Сержантом, пока между ними не пробежала черная кошка. Каким ветром Кота занесло в Россию? Уже три года он проживал где-то в Германии по фальшивому паспорту. Уехал он после того, как сходу стало известно, что на его совести жизнь троих законных. А если он все-таки появился здесь, следовательно, получил весьма серьезный заказ на очередное устранение. Должно быть, огромные деньги. Кто же станет рисковать головой за мизер!

Варяга уверяли, что оператор отснял даже собравшуюся толпу, так, из баловства. Но как только объектив камеры по-

вернулся к зевакам, Кот исчез.

Смотрящий захотел сам просмотреть пленку, тем более что Кот слыл мастером перевоплощений. Поговаривали, что за последний год он трижды появлялся в Москве. На это указывал тот факт, что были устранены два вора в законе, контролировавшие энергоресурсы в Тюменской области, и один положенец во Владивостоке. В задачу последнего входило держать связь с погранцами, охраняющими границу с Японией. За беспрепятственный проход судна с рыбой к Японским островам погранцы требовали не менее пятидесяти тысяч долларов. Но даже при таких грабительских условиях от сделки всегда оставался солидный куш, большая часть которого направлялась в воровской общак. В последнее время управление погранслужбы возглавил молодой честолюбивый генерал, который, не успев разобраться в специфике сложнейших межклановых отношений и воровских понятий, попытался прибрать в личный карман кусок государственной границы. Несговорчивый положенец был ему не по нутру, и он вполне мог сделать заказ на его устранение. Человек, контролирующий государственную границу, обладает немалыми связями и большим влиянием. Такой всегда найдет способ, чтобы закрыть доверенного представителя Варяга, а потом в тюремной тишине задавить его без помех. Однако положенец был убит днем, в многолюдном баре, где по обыкновению выпивал в обед бутылочку пива. За столиком положенец всегда сидел в одиночестве и любил расположиться у

окна. Охрана сидела вокруг и зорко смотрела по сторонам. Такая привычка стоила ему жизни. Пуля разнесла кружку, которую он держал в руке, и пробила шею. Через пару минут он тихо скончался.

Подобное исполнение было в стиле Кота, тот не любил повторяться. Обожал импровизации и вообще к каждому выстрелу подходил творчески и с большой выдумкой. Проанализировав случившееся, Варяг понял, что так стрелять мог только Кот. Впрочем, оставался еще и Сержант. Но старый волк всегда был вне конкуренции, он вообще все умел. Но было точно известно, что Сержант слинял куда-то на острова Новой Гвинеи, спасаясь от многочисленных недоброжелателей. Не исключено, что он возглавил какое-нибудь племя и сделался «охотником за черепами».

Что неудивительно, с его-то характером!

Несколько секунд с тихим шуршанием по экрану бежал «снежок». После чего появилась красочная картинка – застывший на тротуаре труп. Оператора можно было бы запросто обвинить в некрофилии – изрядный кусок пленки был посвящен огромной кровавой луже, обильно расплывшейся по асфальту, и аккуратной дырочке в височной области трупа. А дальше и вовсе пошли некрофильские фантазии: с предельно близкого расстояния оператор снимал лицо Башки, особое внимание уделяя его некрасиво открытому рту. Такое впечатление, что в операторе затаился нереализовавшийся дантист, и у каждого, кто смотрел эту картинку, должно бы-

ло возникнуть непреодолимое желание пересчитать зубы покойника.

Понятно, что подобный репортаж нуждается в серьезной режиссерской цензуре, хотя бы потому, что наиболее впечатлительные натуры уже после первой же минуты просмотра должны будут кинуться от экранов телевизоров в туалет. Вершиной операторского искусства подобные кадры не назовешь, но страшилка получается вполне впечатляющая.

Где-то за кадром слышался низкий голос, советовавший, на чем следовало бы остановить операторское внимание. Варяг невольно выругался: «Спилберг доморощенный! Так и тянет в лужу крови!»

«Сними зевак, – услышал Варяг все тот же режиссерский голос. – Может быть, вставим куда-нибудь».

«Хорошо», – это уже отвечал оператор.

Камера, оторвавшись наконец от страшного зрелища, переключилась на собравшихся. Медленно прошла по понурым физиономиям и увлеклась дальним планом.

А вот это уже интересно. Один из зевак действительно напоминал Кота. Можно было сказать, что это точно он, если бы не мешали пшеничные, сильно топорщившиеся усы. Еще мгновение – и заинтересовавший Варяга человек ушел из кадра. Владислав прокрутил пленку назад. А теперь немного вперед. Стоп! Во весь экран застыло лицо с могучими усами.

Теперь Владислав уже не сомневался в том, что это Кот. За те годы, что они не виделись, киллер прибавил в весе.

Что, собственно, не удивительно, ведь не легкой же атлетикой занимается, работа-то у парня в основном сидячая, спрятался куда-нибудь в укрытие со стволом, да лежи себе и дождайся, пока не объявится объект. Подобный образ жизни способствует накоплению жира. Усы, конечно же, не настоящие. Не очень искусный камуфляж! Но дело заключается в том, что свидетели в первую очередь запоминают какую-нибудь бросающуюся в глаза деталь. Наверняка Кот освободился от этой «ботвы» сразу же, как только свернул за угол, швырнув усы в первый же подвернувшийся мусорный бак. Во всем этом есть одна серьезная закавыка – непонятно почему он объявился на месте убийства. Воистину чужая душа потемки. Схема выглядит примерно так: грохнул парня, затем спустился откуда-то с чердака и, нацепив усы на рожу, возжелал посмотреть на результаты своего труда с расстояния вытянутой руки.

Варяг хотел было позвать Тарантула, но тут на экране появился новый эпизод. Металлическим голосом диктор за кадром бесстрастно сообщил:

« – Сегодня утром в лесу у Дмитровского шоссе был обнаружен труп девушки, приблизительно восемнадцати-двадцати лет. Смерть наступила в результате удушения... »

Оператор, не жалея пленки, отснял голый труп с какой-то черной тряпкой на шее.

« – Произошедшее убийство очень напоминает два убийства осенью прошлого года. Есть предположение, что все три

убийства были совершены одним преступником. Всех, кто узнал личность убитой, просим сообщить по телефонам...»

На экране появилась фотография лица девушки, и Варяг невольно вздрогнул. Несмотря на все усилия патологоанатомов, сразу было видно, что снимок сделан с трупа. Такое не скроешь! Ничего не выражающий и какой-то пустой взгляд. В нем напрочь отсутствовало какое-либо выражение. Так глядеть в пространство могут только мертвецы. Кроме того, Варяг знал эту девушку еще живой. Ее просто невозможно было представить без улыбки, а уж когда она смотрела в объектив фотоаппарата, так просто вся сияла.

Полностью ее звали Антонина Алексеевна Зубкова. Отец же называл ее «моя Кисуня». Или просто Тоня. Она была внебрачной дочерью коронованного вора Зубаря. Варяг помнил Антонину с восьми месяцев, с того самого времени, как стал ее крестным отцом. Помнится, в самый торжественный момент она описала его накрахмаленную рубашку, а счастливый папаша, созерцая этот «беспредел», сдержанно рассмеялся и сообщил, что примета хорошая – быть Владиславу на свадьбе его дочери посаженным отцом.

Зубарь согласно законам воровского мира не желал заводить серьезных отношений ни с одной женщиной. Он ограничивался марухами, которых прекрасно понимал и которые были близки ему по духу. Вот от одной такой связи и родилась Антонина. В знак особого расположения Зубарь дал ей свою фамилию, что, собственно, не возбранялось законом.

А когда его маруха неожиданно захотела завязать с прежним ремеслом, влюбившись в какого-то молодого инженера, Зубарь не препятствовал этому, но расставаться с дочерью не пожелал. Определив ее к своим стареющим родителям, он постоянно подкидывал им денег, чтобы они не бедствовали. И частенько, когда оказывался на воле, навещал отцовский дом. Не однажды бывал у крестницы и Варяг. Ему помнилось, что старики не чаяли во внучке души.

Последний раз он виделся с ней месяц назад, когда передавал от Зубаря «малявку», а от себя денег «на конфеты». Девушка долго не желала брать деньги, ужасно смущалась, а когда он сказал, что это только в долг, наконец сдалась. Тоня запомнилась ему как весьма очаровательное создание. Девушка совершенно не походила на мать, ну разве только глазами – черными и бездонными. Заглянул разок в такие, да и утоп! Только пузырьки кверху побегут неровной струйкой. Помнится, она обмолвилась о том, что познакомилась с режиссером, который хотел снять ее в каком-то сериале и даже предлагал ей главную роль.

В ответ на эту девичью радость Варяг насторожился, хотя и сам не мог понять причины своего беспокойства. Владислав даже изъявил желание познакомиться с этим таинственным режиссером, но девушка была решительно против. Настаивать Варяг не стал, в конце концов, это все-таки ее жизнь, и Антонина вправе поступать так, как ей заблагорассудится.

Внутри у законного неприятно заныло, значит, не зря он переживал тогда. Владислав выключил видеомэгноффон и неподвижно уставился в темный экран. Как сообщить о произошедшей трагедии Зубарю, он не знал. Для вора весть о смерти дочери станет серьезным ударом. Антонина была единственным существом в этом мире, кого он любил по-настоящему.

Алексей в настоящий момент парился в Пермской колонии, был там смотрящим. Законный специально напросился в эту чалку, некогда с нее начиналась его воровская биография. А это как первая любовь, хоть и ранит больно, но никогда не забывается.

В том, что Зубаря перевели именно в эту колонию, была немалая заслуга Варяга, хотя подобная «любезность» со стороны начальства исправительных учреждений обошлась ему недешево. Баринoм в пермской «чалкиной деревне» был полковник Уваров, с которым Варяга дважды сводила судьба. Первая их встреча произошла на заре его юности, когда Варяга этапом отправили из Москвы в Воркуту, Уваров был тогда начальником конвоя, а второй раз они встретились в Курганской колонии, где Уваров уже дорос до кума.

Нельзя сказать, чтобы Уваров был зверем, но «сшибать рога» умел. Между ним и Варягом существовало нечто вроде пакта о ненападении. Лагерь, поделенный на «красную» и «черную» зоны, был костью в горле у столичного начальства. Но Уваров, опасаясь, что его зону разморозят, никогда не

встревал в дела воровской территории, где полновластным хозяином был Варяг.

– Тарантул! – громко позвал Владислав.

Константин обладал удивительной особенностью, он всегда появлялся по первому зову. Варяг порой с улыбкой думал о том, что тот всегда словно незримый дух витает где-то рядом и в нужный момент просто материализовывается из воздуха.

Константин Друщиц вошел неслышно. Только когда он притворял за собой дверь, она предательски скрипнула. Тарантул был одним из немногих, кому Варяг доверял всецело. За те несколько лет, что Тарантул находился рядом с Варягом, он успел обрасти многочисленными связями, пользовался у людей заслуженным уважением, а авторитет начальника охраны был таков, что ему позавидовали бы многие законные. Константину по силам было завертеть собственное дело, так сказать, отправиться на вольные хлеба. Например, он мог бы курировать один из подмосковных районов (выскажи Костя подобное желание, Варяг не стал бы чинить ему какие-то препятствия), но Тарантул предпочитал оставаться рядом со смотрящим и служил Варягу куда преданнее, чем сказочный Серый волк незабвенному Ивану Царевичу.

– Садись, – показал Варяг взглядом на стул.

Посмотрев в окно, законный увидел, как один из охранников, сняв пиджак, разгуливает по газону с кобурой под мышкой, из кобуры кокетливо выглядывала рукоять волыны. От

посторонних глаз его скрывал четырехметровый кирпичный забор. Парню следовало бы вести себя как-то поскромнее, а не разгуливать в открытую под окнами. Подобное поведение Владислав воспринимал как проявление пижонства, а оно, как известно, вредит при любом деле.

Тарантул присел, судя по застывшему лицу законного, было ясно, что он настроен на серьезный разговор. Ткнув в окно пальцем, Владислав спросил:

– Что за тип? Я его раньше не видел.

– Все верно, он недавно в охране. До этого работал в «девятке».

– За что же его списали?

– Парень он резковатый, нагрубил как-то начальству, а таких резких там не держат. А что, к нему есть какие-то претензии? – обеспокоенно спросил Тарантул. – Я проверял его в деле, надежен. Пробил по всем каналам, чист.

– Я не о том. Посмотри, как он ходит, – брезгливо поморщился Варяг. – Он что, возомнил себя ковбоем? Из охраны его убрать! Такому лишь бы покрасоваться.

Тарантул заметно смутился:

– Сделаю.

– А теперь о деле... Я просмотрел кассету. Мое мнение такое... на пленке Кот! Кстати, из какого оружия был убит Башка?

– Из газового пистолета, переделанного под боевой ствол, – сообщил Тарантул.

Есть мнение, что киллеры высочайшего класса не станут связываться со шпалером, который в решающую минуту может дать осечку. Отчасти это верное рассуждение. Однако с Котом дело обстояло как раз наоборот. Прекрасно разбираясь в оружии, он предпочитал в основном «наганы», считая их наиболее надежными. Кроме того, буйная фантазия, которой от природы был наделен Кот, не позволяла ему скушать, а потому он упражнялся в том, что переделывал газовые пистолеты в боевые, не забывая использовать их в своем ремесле. В какой-то степени за последние годы у него выработался даже определенный стиль – Кот работал под киллера-дилетанта. В этом был свой резон: он получал дополнительные преимущества, потому что вряд ли кто в МУРе мог предположить, что под маской киллера-недотепы прячется профессионал высочайшего класса.

– Это еще раз подтверждает, что стрелял именно Кот. Он ничего не делает просто так. Ствол выбросил в урну, чтобы легавые пошли по ложному следу. Но нас-то ведь не обманешь! Сделай вот что... Аккуратно пробей всех, надо узнать, кто сделал Коту заказ на устранение Башки.

Тарантул кивнул:

– Работа уже проводится. Имеется одна зацепка. В последнее время Башка крепко сошелся с одним человеком, неким Федотом Архангельским.

– Федот Архангельский? – удивленно протянул Чертанов. – Не знаю такого. Это что, погоняло?

Константин отрицательно качнул головой:

– Нет, самая настоящая фамилия.

– Что ты про него знаешь?

– Пока мало чего... Но через пару дней буду знать все!

Почти все, – осторожно поправился Константин.

– Хорошо, договорились. Только пообстоятельнее, там, где грязь, веры нет.

– Еще мне стало известно, что Башка намеревался уходить в легальный бизнес.

– С моего разрешения, – неожиданно признался Варяг. – Он хотел заняться банковским делом и должен был войти в состав учредителей одного банка. Чего же отказываться от такого выгодного дела? В ближайшей перспективе этот банк всецело попадает под наш контроль.

– Ну если только так, – задумчиво произнес Тарантул.

– И еще вот что, узнай телефон барина Пермской колонии. Только чтобы был прямой, безо всяких там коммутаторов.

Тарантул оставался невозмутим. Законному не полагалось общаться с ментами. Разве что при крайней необходимости. Но даже в этом случае беседа всегда должна проходить в присутствии третьих лиц. Так принято, должен быть свидетель, иначе на говорившего с ментами навесят косяков. Эти законы были написаны давно, еще задолго до рождения самого Варяга. Въевшись в кровь каждого зэка, они казались незыблемыми. Собственно, таковыми они и являлись. Варяг же, вопреки заведенному правилу, желал разговаривать с ба-

рином без свидетелей. А стало быть, для этого имелись особые причины.

Но разве возможно заподозрить папу римского в богохульстве?

– Хорошо, сейчас узнаю.

Тарантул ушел. Варяг посмотрел в окно. Спустившись во двор, Друщиц подозвал к себе того самого парня со стволом под мышкой. Неласково произнесенная фраза добавила охраннику завидной прыти. Надевая на ходу легкий пиджак, он энергично кивал. Слов не было слышно, но по тому, как передернулось холеное лицо охранника, критика проняла его до самых кишок. Варяг был уверен, что больше не увидит этого ковбоя. Странное дело, в последнее время его ужасно раздражали стволы, выпирающие из-за пояса и торчащие из-под мышек. Поскромнее надо держаться, ребята. Время нынче другое. Возможно, причину следовало искать внутри себя, а не в парне, решившего поиграть в Дикий Запад.

Через несколько минут вернулся Тарантул. Положив на стол небольшой листок с цифрами, он произнес:

– Здесь телефон. Сотовый тоже есть, но он может прослушиваться. Барин колонии – Уваров Иван Петрович.

– Я знаю, – вяло отреагировал на сообщение Варяг.

Рассеянно кивнув, Тарантул вышел. Владислав успел заметить чуть растерянный взгляд начальника охраны. Подняв трубку, смотрящий, не раздумывая, набрал номер. Еще

через секунду отозвался глуховатый, заметно простуженный знакомый голос:

– Слушаю.

– Петрович? – уточнил Варяг.

– Да, – настороженно протянул Уваров. – С кем имею честь общаться?

– А по голосу не узнаешь? Слабо?

С минуту в трубке висела напряженная пауза.

– Голос очень знакомый, но вот никак не могу вспомнить, где я его слышал.

– А ведь я в некотором роде твой крестник, – напомнил Владислав.

– Варяг, что ли? – недоверчиво протянул Уваров.

– Хм... Не ожидал, что так сразу узнаешь. Видно, крепко я запал в твою память, Петрович, если ты меня по голосу через столько лет вспомнил.

– Тебя один раз услышишь, так уже никогда и не забудешь, – серьезно заверил «хозяин». – Как ты узнал мой номер?.. Ах да, чего тут удивляться-то. У тебя же своя разведка. Так чего скажешь? Ты ведь так просто звонить не будешь.

– Верно, Петрович, не буду. Зубарь у тебя парится?

В ответ раздался сдержанный смешок:

– А где же ему быть еще, как не у меня? На зоне он за смотрящего. А чего ты хотел? Повидаться, что ли? Нечасто такие уважаемые гости, как ты, в наш убогий уголок навещаются. Заезжай, примем по высшему разряду, биндюгу

приготовим, а если хочешь, так и молоденького...

– Послушай, Петрович, мне сейчас не до твоих ментовских острот, – зло прервал излияния барина законник. – У Зубаря дочь убили.

– Вот как. – В голосе Уварова прозвучало сочувствие. – Он мне как-то обмолвился о ней, похоже, что гордился. Жаль... Не завидую я тому, кто на такое дело осмелился. По кускам резать будут! – И уже по-деловому осведомился: – Мокрушника нашли?

– Ищем, – не пожелал вдаваться в подробности Варяг. – Так вот, у меня к тебе какое дело, Петрович, отпусти Зубаря попрощаться с дочерью. Дня на два, не больше.

На том конце провода сперва раздалось удивленное криканье, а потом, растягивая слова, Уваров заговорил:

– Ну, ты даешь, Варяг. Где же это видано такое?! Да с меня голову снимут, если узнают про такое.

– Пойми меня правильно, Петрович, хуже будет, если ты его не отпустишь. Зубаря я знаю... Слушать кукушку он, конечно, не пойдет, не затем он туда поставлен, не положено ему, а только серьезные неприятности может устроить. – Немного помолчав, он добавил: – А я ему в этом посодействую. Обещаю!

– Ты меня что, пугаешь, что ли?! – заревела трубка.

– Ты ничего не боишься, я знаю, – спокойно парировал грозный окрик Варяг. – А только ведь тебе хочется и до пенсии спокойно дотянуть. Разве не так? Как на тебя завтра по-

смотрит твое московское начальство, если, например, сегодня вечером вскроют вены полсотни отрицал? И это будет только начало твоих неприятностей.

– Ну, пойми ты меня, Варяг, не могу я! – взмолился Петрович. – Хорошо, предположим, я его отпустил, а ты думаешь, не отыщется человечка, который на меня не стуканет? Я и так уже многим поперек горла! Меня за глаза Дедом называют. Все думают: ему бы уже давно пора на пенсию, а он все за должность держится. А ведь не думают о том, что я себя вне этой работы не представляю.

– Сделаем вот что, с Зубарем завтра случится приступ аппендицита. Лепила подтвердит, я с ним договорюсь, что ему нужна немедленная операция, а там уже наше дело. Через неделю Зубарь вернется на зону.

– Хорошо, – после некоторого усилия над собой согласился Уваров. – Но мне нужны гарантии, что Зубарь не уйдет в бега. Ты мне дашь слово? Слово смотрящего давай!

– Клянусь короной, – произнес, не задумываясь, Варяг и, подумав, добавил: – Если произойдет что-то непредвиденное, так я вместо Зубаря сам к тебе на зону сяду и отпарюсь за него остаток срока! – пообещал законный.

– Годи-ится, – протянул Уваров. – Ты сам сообщишь Зубарю о дочери или мне это сделать?

– Я сам ему скажу.

* * *

Личность погибшей была установлена уже через час после трансляции «Криминальной хроники». Дежурным было зарегистрировано четыре звонка. Трое из звонивших были женщины, четвертый – мужчина. Как выяснилось, это была Зубкова Антонина Алексеевна. Женщины захлебывающимся голосом говорили о том, какая славная девочка была Тонечка, как несправедливо обошлась с ней судьба и какое огромное горе обрушилось на отца. Горькие слова, какие обычно говорят люди в подобные трагические минуты. Дежурный, привыкший к подобным излияниям, сдержанно сочувствовал и благодарил за помощь.

Но вот последний звонок от мужчины был иным, холодным тоном он сообщил имя девушки и ее родителя. Дежурный невольно напрягся, когда услышал:

– Антонина – дочь Зубаря, вора в законе. Найдем, мокрушника, живьем кожу с твари сдерем!

Дежурный тут же связался с Чертановым и передал ему пленку с записью сообщений.

Откуда именно звонил мужчина, определить не удалось. Проверив информацию, Чертанов убедился в том, что погибшая Антонина Зубкова действительно была внебрачной дочерью знаменитого Зубаря, вора в законе. Ясно, что неизвестный убийца подписал себе смертный приговор и спасти

его не сумеют ни толстые стены тюрьмы, ни одиночные камеры. Мокрушник был обречен!

Правда, звонок неизвестного абонента выглядел, по крайней мере, странно. Он никак не вписывался в блатные каноны, которые повелевали держаться подальше от легавых. Следовательно, намечалась какая-то игра, правил которой Михаил пока не улавливал. Несколько раз он прослушал пленку, пытаясь уловить какие-нибудь знакомые интонации, но тщетно. Говорившим мог быть кто угодно. А он не обязан знать всех уголовников России!

Чертанова не оставляло ощущение, что на этом день не закончится, что-то должно было произойти. Так оно и случилось. Едва Чертанов позвонил в дверь, как она тотчас распахнулась и смущенная Вера с порога сообщила:

– А у нас гости.

Напряженный день продолжался. Надежда на то, что удастся расслабиться с бутылкой пива в руках, рухнула. Интуиция подсказывала Михаилу, что его ожидает непростой разговор.

– Кто такие? – негромко спросил он, снимая куртку.

Девушка повела плечом и так же смущенно отвечала:

– Я их не знаю.

А вот это что-то новенькое. Чертанов знал, что Вера особа чрезвычайно подозрительная, а тут она распахивает дверь совершенно незнакомым людям. Михаил вспомнил случай, когда Вера не пустила в квартиру его двоюродного брата,

приехавшего из Владимира в Москву повидаться, – бедняге пришлось полночи дожидаться Чертанова на скамеечке во дворе. Видно, теперь в ее хорошенькой головке произошли какие-то перемены, а может быть, неожиданные гости так обаяли юную особу, что она не сумела устоять перед их просьбами и впустила в квартиру.

Ситуация прояснилась, когда в прихожей появился Варяг. Чертанов нахмурился. Подобных незапланированных визитов он не любил. Следовало бы указать законному на дверь, но разве язык повернется отказать в гостеприимстве самому смотрящему по России. Варяг, явно переигрывая, не желал замечать недовольствия хозяина. Широко улыбался, словно повстречался со старинным другом. По правилам хорошего тона следовало сделать вид, что уж если ты не обрадован визиту, то, во всяком случае, не особенно и огорчен. Чертанов не без усилия растянул губы. Не стоило обвинять Веру, девушка не могла не поддаться обаянию смотрящего. У него оно плескало через край. Такой дьявол, как он, искусит кого угодно. А она всего лишь слабая женщина.

– У тебя ко мне какое-то дело? – спросил Чертанов, минуя лишние церемонии.

Смотрящий невольно хмыкнул:

– Ты не меняешься.

– А вот ты немного сдал, Владислав, седой волос на висках проступил.

Посмотрев на смущенно улыбающуюся Веру, Варяг ска-

зал:

– Не все же время мне быть молоденьким. Мне это несколько не мешает. А некоторые женщины и вовсе предпочитают седых мужчин.

– Ты зря пришел ко мне домой, обо мне и так черт-те что болтают в управлении.

– По-другому не мог, – серьезно сказал Варяг, перестав улыбаться, и сдержанно предупредил: – Я не один.

Шагнув в комнату, Чертанов увидел уже немолодого сутулого мужчину с короткой стрижкой. Его глаза были на редкость пронзительными и показались ему знакомыми, только он никак не мог вспомнить, где же он их видел. От сухощавой, совершенно невыразительной фигуры незнакомца исходила какая-то скрытая угроза. Такие люди не выходят на улицу, не прихватив с собой заточку. И тут Чертанова осенило – вторым его гостем был Зубков! Не далее как час назад он держал в руках его фотографию, только на ней Зубков-Зубарь он был помоложе. Стараясь не показать растерянности, Чертанов протянул гостю руку и сухо представился:

– Михаил.

От Чертанова не ускользнуло некоторое замешательство Зубаря. Он как будто бы соображал, а стоит ли ручкаться с опером. И, видно, посчитав, что подобное действие вряд ли сумеет подорвать его заслуженный авторитет, ответил хрипловатым голосом, пожав руку Чертанова:

– Алексей.

Не далее как несколько часов назад Чертанов прочитал выписки из личного дела Зубкова Алексея Михайловича. Из него следовало, что в это самое время тот должен париться в Пермской колонии. Статья грошовая – вытащил кошелек с мелочью у какого-то разини. Причем топорно, на виду у многих свидетелей, а когда пара добровольцев скручивала ему руки, сопротивляться не пожелал, подставив жилистую шею для пары символических тумачков. Новоявленные «друзинники» чувствовали себя героями, совсем не подозревая, что на подобный «подвиг» коронованный пошел сознательно по решению сходняка. Для карманника его уровня ничего не стоило выудить лопатник даже из внутреннего карман терпилы.

Чертанов почувствовал осязаемый запах. Так оно и есть, от законного пахло зоной. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом. Запах зэка специфичен и устойчив, он словно въедается в кожу и пропадает только с естественным обновлением кожи. Именно по этому запаху лагерные овчарки отличают дубарей от заключенных.

Зубарь хмыкнул:

– Ищейку за версту видно. Принюхиваешься ты ко мне, начальник. И что скажешь? Твой клиент?

– Ты – Зубарь, – отпустил Чертанов его руку.

– Угадал, – удовлетворенно протянул вор.

– Только не угадал, а узнал, – поправил его Чертанов. – Я твою фотографию пару часов назад изучал... Она у меня на

столе лежит, на самом видном месте.

Зубарь скупно улыбнулся:

– И что делать будешь? Сдашь, что ли, меня?

– Не сдам... Я вас не видел, а вы ко мне не заходили, – сухо сказал Чертанов.

– Вижу, что Варяг в тебе не ошибся. Только как же ты меня вычислил-то?

– Просто догадывался, что может произойти нечто подобное. Извините, но к столу приглашать не буду, – твердо сказал Чертанов и перевел взгляд на Варяга, стоящего рядом со скрещенными на груди руками. Зубарь с интересом наблюдал за ними.

– Мы не водку к тебе пришли жрать! – отрезал Владислав. – Для этого кабаки имеются. Девушка, убитая в лесополосе на Дмитровском шоссе, это дочь Зубаря.

– Я знаю, – в голосе Чертанова прозвучало сочувствие.

– Что-нибудь накопал по этому делу? – дрогнувшим голосом спросил Зубарь.

Сейчас перед ним находился не коронованный вор, от чьей воли зависела судьба многотысячной колонии, а убитый горем отец, потерявший любимую дочь.

Чертанов развел руками:

– Пока ничего не могу сказать. Никаких зацепок, что помогло бы взять его след.

– Тут такое дело, – хмуро заговорил Зубарь. – Если тебе что-нибудь понадобится – дашь знать.

Чертанов невольно удивился: как внешность может не соответствовать характеру! Невысокий, худенький, сутулый, Зубарь напоминал среднестатистического российского мужичка, готового в любой момент сообразить на троих где-нибудь в подворотне около винного магазина. И только взгляд, пронизывающий и одновременно очень тяжелый, указывал на то, что он человек совершенно другой породы. А сухощавость совсем не от водки, а от аскетизма, что свойствен почти всем крестовым авторитетам, истово блюдушим воровские законы. Если зона голодала, то и он вместе с остальными зэками отказывался от хозяйской пайки; когда отрицалы вспарывали на руках вены в знак протеста против произвола администрации, он первый резал свои запястья.

Собственно, на таких людях, как он, и держалась воровская правда.

– Ты говоришь о деньгах? – удивленно поднял брови Михаил.

– Перетирали мы по этому делу, – мрачно сказал Зубарь. – Если нужно будет, выделим из общака столько, сколько потребуется. Но ты ведь не возьмешь, верно?

– Сообразительный.

– Наслышан я о тебе. Обещай сообщить мне, если появится что-то определенное.

– Хорошо, – уверенно кивнул Чертанов.

Зубарь посуровел:

– Я не требую от тебя, чтобы ты передал упыря мне... Он

от меня все равно никуда не схоронится. Дальше кичмана ему все равно не уйти, только разве что на небеса! – возвел вор глаза. – А только если ты его отыщешь, я твой должник по гроб жизни. Бля буду!

– Ладно, пойдем, – поторопил его Варяг. И, повернувшись к Вере, которая продолжала стоять у двери, облокотясь на косяк, будто не решаясь пройти в комнату, продолжил: – И больше никогда не открывайте дверь незнакомым мужчинам.

Попрощавшись, гости вышли.

– Что с тобой? – взволнованно спросила Вера. – Ты сегодня сам на себя не похож.

– Тебе показалось, – буркнул Михаил. – Ты знаешь, что это за люди?

– Они назвались твоими друзьями, – Вера виновато пожала плечами. – Не могла же я держать их на лестнице. Мне до сих пор неудобно, как я поступила с твоим братом. Или я опять сделала что-нибудь не так? – Голос девушки дрогнул.

Чертанов притянул Веру к себе, бережно погладил ее по густым каштановым волосам. Девушка подалась к нему, будто гибкая лоза на сильном ветру. Такую сломать ничего не стоит, достаточно двумя пальцами нажать.

– Нет, что ты, – успокоил ее Чертанов мягкой улыбкой. – Ты поступила правильно. Они... мои хорошие знакомые.

Чертанов подошел к окну и слегка отодвинул занавеску. Варяг с Зубковым уверенно пересекли двор и направились к

стоящему у арки джипу. Странное дело, охраны поблизости не наблюдалось. А может, Варяг из тех людей, что любят побродить по улицам инкогнито. Говорят, что подобной страстишкой тешили себя многие короли.

Только внимательно всмотревшись в темный двор, Чертанов понял, что был не прав, – под аркой, что вела к дому, стояло три человека. Попробуй проскочи мимо таких! А под окнами в темных костюмах, почти сливаясь со стеной, стояли еще двое.

Чертанов отошел от окна.

– Ты выглядишь усталым, – негромко заметила Вера.

– Наверное, – согласился Михаил. – Сегодня день был очень тяжелым.

– Если хочешь, то я могу восстановить тебе силы. – По ее губам промелькнула лукавая улыбка.

Вера была в элегантном брючном костюме. Она была из тех женщин, что предпочитали даже дома одеваться красиво. Никаких выцветших халатов и дырявых колготок! Элегантная, ухоженная, она всегда вызывала у Чертанова здоровый сексуальный аппетит. Ему было известно, что под короткой рубашечкой нет бюстгалтера (по ее представлениям, совершенно ненужный атрибут женской одежды), а под брюками голые и очень аппетитные ноги (трусики, по ее мнению, также сковывают свободу). Чертанов не мог не согласиться с этим положением.

Но сейчас желания у него не возникало – мешал запах,

который оставил после себя Зубарь. Для Чертанова, потомственного охотника, выросшего в тайге, каждый человек ассоциировался с каким-то конкретным животным, у которого был свой запах. Зубарь казался ему волком с подпаленной шерстью. Блатной пришел в его, заповедный, уголок леса, чтобы пометить своим запахом территорию.

Чертанов открыл форточку и долго не отходил от окна. Запах медленно покидал комнату, цепляясь за углы мебели, норовил застрять в углах. Ничего у тебя не выйдет, это моя территория, и я здесь хозяин!

Чертанов открыл дверь, устроив сильный сквозняк.

– Что ты делаешь? – удивленно спросила Вера. – Ведь на улице холодно!

– Ничего, придется немного потерпеть, – хмуро буркнул Чертанов.

По натуре он сам был волком и не терпел чужого вторжения на свой участок. Звери могут определить более сильного соперника даже по запаху, и Чертанов ощущал, что в Зубаре, насквозь пропахшем зоной, было нечто такое, что заставляло держаться от него на расстоянии. При необходимости такого человека можно было бы уничтожить, но вот победить – никогда!

Раздался телефонный звонок. И это во втором часу ночи! Первой мыслью, пришедшей в эту минуту к Чертанову, – вырвать телефонный провод из розетки. По собственному

опыту Михаил знал, что стоит только поднять трубку, как начальственный голос велит немедленно прибыть к очередному месту преступления и все твои планы полетят к черту! И это в тот самый момент, когда уже разобрана кровать. И тебя ожидает женщина, желанная и теплая. Уж она-то поможет забыть обо всем на свете. Но пронзительная телефонная трель бесцеремонно разрушила все это.

Человек, который потревожил Чертанова, прекрасно знал, что Михаил дома. И ему было все равно, каким делом тот занимается в данную минуту. А ведь звонивший не должен был исключать, что в это самое время он уже мог наслаждаться любимой женщиной и поэтому его звонок можно воспринимать как вопиющую беспардонность. Так сказать, вмешательство в личную жизнь.

– Ты возьмешь трубку? – с улыбкой спросила Вера.

– Придется, – совершенно неожиданно для себя ответил Чертанов, выпустив из объятий женщину и уже понимая, что остаток ночи полетит к черту. А вместе с ним полетят туда же и его буйные эротические фантазии.

– Михаил? – поинтересовался вкрадчивый голос.

– Да. С кем имею честь общаться в полвторого ночи? – вежливо спросил Чертанов.

– Извините, что я вас побеспокоил, – голос его собеседника звучал виновато, – это говорит Дмитрий Шатров. Не забыли такого?

– Так, слушаю, – напрягся Чертанов.

– Я бы хотел встретиться с вами.

– Не возражаю, давайте встретимся, скажем, завтра, в девять часов утра, в моем кабинете, – миролюбиво продолжил Михаил. Злость куда-то улетучилась. Этот психотерапевт умел успокаивать совершенно непонятно как. – Вас устроит?

– Я бы хотел встретиться сейчас.

А вот это уже явный перебор! Доктора, очевидно, мучает бессонница, и он намерен провести ночь в обществе приятного собеседника.

– Вы предлагаете, чтобы я в полвторого ночи... впрочем, уже без двадцати... ехал через весь город, чтобы поговорить с вами?

– Тут очень важное...

– Поверьте моему опыту, не существует такого разговора, который невозможно было бы перенести на завтра.

– Ехать вам никуда не нужно, – голос доктора показался Чертанову взволнованным. – Я сам приехал к вам и сейчас нахожусь около вашей квартиры.

– Вы звоните по сотовому?

– Да.

Чертанов невольно вздохнул. Похоже, что сегодня у него день незапланированных визитов.

– Хорошо, я сейчас открою.

– Может, лучше поговорим на улице, мне бы не хотелось тревожить ваших домашних.

– А вы, оказывается, шутник. Думаете, этот звонок они встретили с пониманием?

– Я еще раз прошу у вас...

– Ладно, забудем, – прервал его Чертанов, – сейчас я вас встречу.

– Это вовсе не...

Не дослушав, Чертанов положил трубку. Где пиджак? Ага, вот он! Накинув его на плечи, Михаил сунул в карман табельный ствол. Не потому, что не доверял своему собеседнику, ожидая от него подвоха в образе двух громил с волынами, а оттого, что была ночь. А это время суток, как знал Чертанов по собственному горькому опыту, чрезвычайно богато на неприятные сюрпризы.

Открыв дверь, Михаил столкнулся с Шатровым, поджидавшим его у порога. Оказывается, вот он откуда звонит! Все эти психиатры немного ненормальные. Общение с пациентами накладывает на них отпечаток, так что не стоит судить его особенно строго. Дмитрий Степанович смущенно улыбнулся. Как ни всматривался Чертанов в лицо Шатрова, каких-то душевных сдвигов обнаружить не сумел. Вот разве что несколько другими были глаза Шатрова, горевшие каким-то злым огоньком.

– Проходите. – И когда Шатров вошел в прихожую, Чертанов нетерпеливо спросил: – Что вы хотели сообщить мне в два часа ночи?

Протянув ему пластиковый пакет, Шатров заговорил:

– Вот, возьмите. Здесь лежит дискета. Я ее распечатал...

Можете делать какие-то свои пометки.

– А что здесь?

– Мне удалось составить портрет преступника...

– Вот как!

– ...и я думаю, что он составлен довольно точно. Вы уж извините меня, но я просто не мог дождаться утра. Меня просто сжигало изнутри.

Чертанов взял пакет.

– Читать сейчас не имеет смысла. Можете рассказать хотя бы в двух словах?

– Давайте все-таки спустимся во двор. Я так не могу, мне нужно сосредоточиться. Да и двор у вас такой тихий, располагающий.

– Хм... Хорошо, если вы так считаете. Ладно, давайте пойдем во двор.

Место для разговора они отыскали на узенькой лавочке у самого подъезда. Днем ее обычно занимали старушки, а вечерами теснилась молодежь. Сейчас она была пуста. Двор казался вымершим, а его дальние уголки выглядели почти зловеще. Чертанова не покидало ощущение, что некто чужой смотрит на него сквозь ветки дальних кустов. Очень хотелось подойти туда, чтобы убедиться в своей правоте, но Михаил усилием воли переборол в себе это желание.

Чертанов невольно обратил внимание на пальцы Дмитрия Степановича, которые, казалось, не находили себе ме-

ста: они то вдруг заплетались в тесный замок, а то вдруг безвольно обмякали, чтобы уже в следующую секунду сжаться в кулак.

Дмитрий Степанович нервничал. Только с чего бы это?

– Мы так и будем сидеть? – недовольно буркнул Чертанов. – Что у вас там?

– Я хотел сказать, что больше всего маньяку, которого вы сейчас ищете, подходит так называемая маска психической нормальности.

– Что это значит?

– Все очень просто... А точнее, это очень похоже на раздвоение личности. Под маской добропорядочного гражданина скрывается сильнейший психический недуг. Подобные люди убеждены в собственной сверхчеловеческой важности, имеют очень высокий интеллект, благодаря которому способны манипулировать людьми. Многие из них способны добиться весьма больших высот в своем деле...

– Например, – перебил Чертанов.

– Пожалуйста... В Твери маньяком был один крупный предприниматель, весьма уважаемый человек в городе. Он заманивал к себе в дом молоденьких девушек и убивал. Затем отвозил трупы за город, где и хоронил.

– И что, его ни разу не остановили инспектора? – недоверчиво спросил Чертанов.

– Этот предприниматель личностью в городе был известной, его машину знали... поэтому инспектора ГИБДД его

никогда не задерживали. Никому и в голову не могло прийти, что в багажнике он перевозит трупы! Через пять лет его, так сказать, деятельности на том месте образовалось небольшое кладбище. Маньяк любил появляться на месте погребения своих жертв по воскресеньям и даже приносил на эту полянку цветы.

– Как же его поймали?

Шатров грустно улыбнулся:

– То-то и оно, что его не поймали. Он – повесился! Перед смертью он написал записку, где рассказал о всех своих злодеяниях. Даже указал место, где искать трупы.

– Что-то я не совсем понимаю, неужели ему стало стыдно за содеянное, так, что ли, получается? – озадаченно спросил Чертанов.

Разговор понемногу увлекал его. Неплохо было бы поговорить на эту тему во время рабочего дня или хотя бы немного пораньше. Чертанов с тоской подумал о том, что в шесть утра ему придется вставать и на полноценный отдых останется не более двух часов. Впрочем, выход был. Следовало запереться в рабочем кабинете и поспать минут сорок. Этого времени вполне достаточно, чтобы восстановиться.

Шатров отрицательно покачал головой:

– Вовсе нет... Если уж мы затронули эту тему, то я могу заверить вас, что маньяки не способны к состраданию или к любви. Они проживают в своей ужасной вселенной, где нет места для нормальных чувств! Просто их натуры склонны к

саморазрушению, так заложено самой природой. После каждого насилия они испытывают невероятное отвращение к себе, поэтому они убивают свою жертву и прячут ее. Таким образом, они как бы хотят стереть накопившееся отвращение к себе. А когда его становится слишком много и оно начинает выплескиваться через край, то они отваживаются даже на самоубийство. Но делается это не от стыда за содеянное, как вы могли подумать, а из-за омерзения к себе.

– Вот оно как, – удивился Чертанов.

– К тому же здесь имеется еще одна психологическая особенность. Каждый из них втайне мечтает пройти тот путь, по которому проследовали их жертвы. А как это можно сделать? Только в том случае, когда накладываешь на себя руки. Я ответил на ваш вопрос?

Чертанов кивнул:

– Исчерпывающе. А как же обстоят дела с нашими жертвами?

– По тому, как совершал убийства маньяк, я могу сделать вывод о том, что он имеет высокий общественный статус. Кстати, вы обратили внимание на место захоронения? Вокруг никаких обрывков бумаг, одежды, никаких лишних предметов. Труп, как правило, уложен очень аккуратно. Это может свидетельствовать о том, что он одержим идеей внутреннего порядка, который уже давно стал для него своего рода манией. Маньяки такого плана обладают еще одной чертой, а именно способностью находить в людской массе имен-

но тех людей, которые могут помочь ему в преступных замыслах.

– Вот как? Но как это им удается?

– Серийные убийцы способны надевать маску добропорядочных людей и весьма успешно ее используют. Они могут представляться режиссерами, фотографами крупных периодических изданий. Такие типы склонны иметь фотографии своих жертв, даже видеозаписи. Частенько они просматривают их, подобные сеансы являются для них своеобразной энергетической подпиткой. Так что если у вас обнаружится подозреваемый, нужно обязательно провести в его квартире обыск. Я уверен, что вы обнаружите неопровержимые улики.

Вот только как его отыскать? Чертанов задрал голову к небу. Звезд не видать, белесые облака плотно запечатали и луну. Дом спал, только в трех окнах горел свет. Интересно, какие проблемы заставляют людей бодрствовать в три часа ночи? Ладно, он сам не может уснуть, но на то имеются серьезные причины – пришлось уважить разнервничавшегося психолога, а вот другие-то чего?

– Не сомневайтесь, проведем! – заверил Чертанов. – Было бы где... Важно найти этого подозреваемого. Может быть, вы сумеете подсказать, где его нужно искать? – с надеждой посмотрел майор на Шатрова.

Дмитрий Степанович задумался, крепко сцепив пальцы в замок.

– Есть одна мысль... В Курске таким способом поймали

серийного убийцу. На его счету было шесть человек.

– Выкладывайте!

– Но прежде ответьте мне на вопрос, три жертвы маньяка, которые были обнаружены на Дмитровском шоссе, находились недалеко друг от друга?

– Рядом, метрах в двадцати друг от друга, – уточнил Чертанов. – А что? Разве это имеет какое-нибудь отношение к делу?

Неожиданно Шатров широко улыбнулся:

– Принципиальное! Дело в том, что подобный тип убийц, как правило, старается прятать свои жертвы в каком-нибудь одном полюбившемся месте. Лично я уверен, что в этом районе не одна жертва, а значительно больше! Я бы рекомендовал вам как следует прочесать этот район с собаками.

– Сделаем! – пообещал Чертанов.

– Нужно будет установить наблюдение в местах захоронения. Я уверен, преступник туда непременно явится.

– С чего вы это взяли? – удивился Чертанов.

Дмитрий Степанович только повел плечами:

– Такова их звериная природа. Они просто ничего не могут поделать с собой. Возможно, им и хотелось бы пойти куда-нибудь на премьеру в театр, но уродливая мания, которая заложена в их природе, заставляет их идти к страшному месту.

– А если он узнает о том, что за местом захоронения ведется наблюдение?

Дмитрий Степанович невесело улыбнулся:

– Серийный убийца явится туда даже в том случае, если ему будет угрожать смертельная опасность.

– Вот оно как! Что ж, это можно будет организовать, – задумался Чертанов. – Жаль, что сейчас не грибной сезон. В этом случае задачу было бы легче решить. Вы говорили о саморазрушении личности. А возможен ли такой вариант, что этот маньяк покончит самоубийством?

Дмитрий Степанович отрицательно покачал головой:

– Насколько я знаком с психологией серийных убийц, этого в ближайшее время не произойдет. Это может случиться совсем не скоро. До саморазрушения ему еще очень далеко. Сейчас маньяк находится как бы на стадии формирования.

– В чем это проявляется?

– Попытаюсь объяснить... Вы обратили внимание, что предпоследняя жертва не была изрезана ножом?

– У нее был отрублен палец, – мягко напомнил Чертанов.

Шатров раздраженно отмахнулся:

– Это совсем другое. Для преступника такого типа отрубленный палец всего лишь элемент своеобразного ритуала. А я говорю о зверствах, которыми сопровождается каждое насилие.

– И что с того?

– А то, что у последней жертвы уже был изрезан живот. У следующего трупа таких порезов может оказаться еще больше. Маньяк будет отрубать руки, ноги, голову, если хотите! Будет вспарывать живот и вырезать внутренности, – с жаром

перечислял Шатров. – Сексуальные фантазии у него могут быть самые разные. Большинство из них возбуждает только мертвая плоть. Некоторые берут в квартиру фрагменты тел для сексуального возбуждения и мастурбируют перед ними. – На лице Чертанова невольно отобразилась брезгливая мука. – Вижу, что вам неприятно, однако это факт!

– Никогда не думал, что подобное возможно.

Шатров сдержанно согласился:

– Все верно, для нормального человека подобные вещи – дикость, которая не вписывается ни в какие нормы поведения. Для их же мира это естественное состояние. Вы никогда не сталкивались с подобными отклонениями человеческой природы, а для меня это ежедневная работа. – Помолчав, доктор продолжал: – Так вот, хочу вам сказать, что есть одна правда жизни, но имеется еще и другая, так сказать, изнаночная. А она, как известно, самая страшная. Все свои зверства маньяк осуществляет для того, чтобы получить сексуальную разрядку. Для того чтобы получить оргазм, этому маньяку еще прошлой осенью нужно было всего лишь почувствовать беспомощность своей жертвы. Затем в какой-то момент этого ему стало маловато. Тогда он начал понемногу поднимать планку. Начал резать очередную жертву. И его зверства от жертвы к жертве становятся все ужаснее и все изощреннее. В каком-то плане его можно сравнить с наркоманом, который, привыкая к дозе, начинает ее увеличивать, чтобы получить еще большее удовольствие. В обоих случаях

рано или поздно наступает разрушение личности и как итог – смерть! Мне кажется, что между предпоследней и последней жертвами этого маньяка уже наблюдается значительная разница.

– С чего вы взяли?

– Я делаю вывод по характеру ран, которые были обнаружены на трупах. Вспомните фотографии! На последнем трупе раны глубокие, рука, которая их нанесла, была уже очень умелой. Дилетантом его не назовешь. Здесь имеется еще одна странность, прежде мне не приходилось сталкиваться с такими вещами, – Шатров неожиданно замолчал.

– Какая же? – поторопил его Чертанов.

– Из этих ран вырисовывается даже некий рисунок. Если присмотреться, то его можно принять за некоторый символ, – задумчиво произнес Дмитрий Степанович. – Точнее, он напоминает набросок летучей мыши.

– Вот как! – не сумел сдержать своего удивления Михаил.

– Представьте себе! Позавчера я немного покопался в литературе. Так вот, я вам могу сказать, что эта летучая мышь ассоциируется со смертью, а в некоторых случаях с сумасшествием! Взгляните на гравюру Гойи «Сон разума» и сразу все поймете. В Перу, в доколумбовую эпоху, летучую мышь ассоциировали с колдовством.

– Но я не заметил на теле рисунка, – возразил Чертанов.

– Присмотритесь повнимательнее. Рисунок очень отчетливый. Очень хорошо намечены крылья, огромные глаза,

торчащие уши. Это летучая мышь! Ее не спутаешь ни с одним животным. По моему мнению, должны быть еще трупы, на которых маньяк, так сказать, оттачивал свои художества, – голос Шатрова понизился едва ли не до шепота.

По спине Чертанова пробежали неприятные мурашки.

Понемногу светало. Утро освобождало из плена огромный город. Уже отчетливо проступали очертания зданий. Чертанов посмотрел в дальний угол двора и заметил под липами какое-то шевеление. В предрассветный час там мог затаиться только демон ночи. Услаждая свое любопытство, он мог подслушивать разговор смертных.

Чертанов едва сдержал вздох облегчения, когда кусты колыхнулись, и из них вышел бомж. Волоча в каждой руке какие-то мятые сумки, он нетвердой шаркающей походкой затопал со двора. Чего только не померещится на усталую голову!

– Хорошо, завтра же я отдам распоряжение прочесать тот уголок леса, – согласился Чертанов, продолжая созерцать удаляющуюся фигуру бомжа.

– Вот и все, что я хотел рассказать вам, – с облегчением произнес Шатров. – Ощущение такое, будто камень с души скинул. Исповедался, что ли... А знаете, я боялся, что вы меня не станете слушать.

– Вы напрасно переживали... Да-а, задали вы мне задачу, – с тоской протянул Чертанов.

Дмитрий Степанович улыбнулся:

– Это не я.

– Хм... Ну разумеется! А вы не могли бы сказать, почему в свое время ушли из клиники?

Шатров помрачнел. Его нервозность выдавали нервные пальцы.

– Я не сработался с заведующим.

– И все-таки, какова причина?

– Сначала мы расходились в научном плане, а потом начались личные конфликты. Вы когда-нибудь интересовались психологией? – Дмитрий Степанович в упор посмотрел на Чертанова.

– Разве что в общих чертах, – несколько смущенно признался Михаил.

– Заведующий кафедрой стоял на старых позициях, а я нет, вот в этом вся и разница.

– А не могли бы сказать, в чем была суть ваших разногласий?

– Хм, суть... Считается, что человек рождается на белый свет чистым, как листок бумаги. Только потом жизнь выводит на нем свои «рисунки» и делает из него или полезного члена общества, или закоренелого преступника. У меня же совершенно противоположная точка зрения. По моим понятиям, у некоторых индивидуумов предрасположенность к жестокости врожденное свойство. Она закладывается еще при зачатии или в период внутриутробного развития. Не хочется обременять вас научными терминами, но хочу

сказать, что мне даже удалось выделить ген преступности!

– Вот как... Интересно. С теорией «чистого листа» я тоже не могу согласиться. Знаю точно: если родители совершали преступления, то отпрыск последует по их пути. Ничего не поделаешь, такова школа жизни, редко кто вырывается из этого порочного круга. А вот по поводу гена преступности вы, наверное, малость слукавили. Если бы он существовал, тогда все было бы просто, отыскался такой ген, и шагом марш в тюрьму! Могу возразить, что преступления совершает и масса добропорядочных граждан. Скажем, в состоянии аффекта. Кстати, а как проявляется этот ваш ген преступности? Наверняка у него должны быть какие-то свои особенности.

Дмитрий Степанович понимающе закачал головой:

– Вы понимающий собеседник, сразу ухватили суть! Внешние проявления этого гена есть. Они были известны еще в древности, людей с такими дефектами считали упырями и вампирами и сжигали на костре. Во-первых, это длинный средний палец ноги, – принялся перечислять доктор, – во-вторых, перепонки между пальцами рук, в-третьих, длинные конечности...

Чертанов неожиданно улыбнулся:

– Я вот смотрю на ваши кисти и вижу, что они довольно удлинненные. Значит, вы тоже попадаете под эту категорию? Даже в полумраке было заметно, как по лицу Шатрова пробежало смущение:

– Конечно, эти показатели очень важны, но все-таки нельзя воспринимать их как абсолютные. Кроме них, должны быть еще и другие факторы... Как видите, я же не сделался преступником. Кстати, один из показателей – это приросшие мочки ушей. Такие, как у вас, – кивнул Дмитрий Степанович, – но мы же с вами не маньяки!

– Вон вы куда повернули!

– Кроме этих показателей, наличие гена преступности можно обнаружить в электроэнцефалограмме. Отклонение альфа-волн является очень серьезной органической дисфункцией головного мозга. Именно это обстоятельство формирует жестокую личность. Я длительное время наблюдал мальчиков, у которых были обнаружены подобные нарушения. Почти все они со временем угодили за решетку. В подавляющем случае за убийство! Был момент, когда я сильно сомневался в результатах электроэнцефалограммы. Среди моих подопечных был один весьма тихий мальчишка, с очень высоким уровнем интеллекта. Закончив вуз, он очень быстро пошел в гору и занял одну из ведущих должностей в банке. Я тогда подумал, вот ведь как бывает! А на следующий год парень был пойман в Битцевском парке за двойное убийство. Он понемногу превращался в серийного убийцу. И если бы его не остановили, так сказать, в самом начале преступной карьеры, поверьте мне, он переродился бы в самого настоящего монстра. С его выдающимися способностями это было несложно! Пойду! – поднялся Шатров. – Вам

ведь тоже нужно отдохнуть.

Чертанов посмотрел на часы:

– Какой там отдых! Уже скоро на работу!

– Да, еще вот что, – произнес ему в спину Шатров. – Я вам советую проштудировать словарь символов. Может пригодиться...

Глава 7

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ

Такого огромного количества начальства, сосредоточенного на одном гектаре, Михаил Чертанов не помнил. Хотя нет, нечто подобное происходило лет пять-шесть назад, когда был застрелен один из руководителей думской фракции. Помнится, маленький дворик дома, где жил политик, не вмещал всех желающих. Одних только полковников понабилося десятка два. Всем не терпелось посмотреть на тело, распластанное у куста колючего шиповника, за которым, собственно, и прятался убийца.

Нечто подобное происходило и на этот раз. Кроме начальника Службы криминальной милиции, которому полагалось здесь быть по должности, Чертанов увидел еще двух заместителей министра: статс-секретаря и начальника Службы общественной безопасности. Все трое были в гражданской одежде, и милиционеры, стоящие в оцеплении, не сразу узнавали в них важных сановников. Чертанов не без улыбки наблюдал сценку, как у начальника Службы криминальной милиции, вышедшего по какому-то вопросу из оцепления, молоденький лейтенант настойчиво потребовал предъявить документы. Видно, его что-то насторожило во внешности генерал-полковника. Без всякого раздражения начальник службы вытащил служебное удостоверение и развер-

нул его перед глазами смутившегося милиционера. Извинившись, молоденький служака попросил разрешения быть свободным. Генерал-полковник не возражал, с легкостью простив лейтенанта. Хотя следовало бы и приструнить, начальство полагается знать в лицо!

Немного в стороне от толпы, держа собак за поводки, стояли кинологи: парень и девушка, совсем молодые люди. То, что происходило на поляне, не было предназначено для дамских глаз. Но девушка держалась уверенно и никак не показывала отвращения, которое было неизбежно в данных обстоятельствах. Чужа запах разложения, нервничали только собаки – тонко поскуливали и выжидательно посматривали на хозяев, не отведут ли те их подальше от этого страшного места. Но работа еще не завершилась, и псам предстояло еще немало потрудиться.

На краю поляны два сержанта осторожно, опасаясь повредить труп лопатами, раскапывали очередную яму, третью по счету. У Чертанова было ощущение, что на сегодняшний день она не последняя. Труп был зарыт неглубоко, каких-то полметра от поверхности, так что почуять его собакам не представляло большого труда.

Откопав тело, сержанты отошли в сторону и принялись наблюдать за тем, как техник-криминалист фотографирует труп. Опять девушка... Как и в предыдущих случаях, обнажена. Зрелище не для слабонервных.

Удивительно, но Шатров оказался прав: трупы отыскивали

недалеко от того места, где были совершены уже известные убийства. Серийный убийца явно не был лишен эстетического чувства – на поляне росла дикая яблонька, а рядом уже наливалась соком раскидистая черемуха.

Чертанов подошел ближе. У трупов были изрезаны животы. Если присмотреться, то ножевые раны действительно напоминали рисунки (и здесь Шатров оказался прав!). На первом теле просматривалось длинное глубокое кривое ножевое ранение с небольшими боковыми насечками, начинавшееся от груди и заканчивающееся у паха устрашающим отверстием. Очевидно, эта рана и стала причиной смерти. Чертанов долго не мог понять, что ему напоминает этот рисунок, и вдруг его осенило. Комета! Он внял совету Шатрова – основательно проштудировал символы и теперь понимал, что это не самый благоприятный символ. Еще древние астрономы, наблюдая в небе кометы, связывали их появление с грядущими катаклизмами.

На другом трупе были отчетливо видны две пересекающихся полосы, напоминающие крест, и только зияющая рана под ребрами, между двумя длинными скрещенными линиями, указывала на то, что здесь нечто другое. Догадка пришла после того, как кто-то из стоящих рядом, сочувствуя убитой, тихо произнес:

– Кожа да кости, а ведь позарился... тварь!

Кости! Конечно же, здесь символом были перекрещенные кости. Символ смерти и одновременно телесного возрожде-

ния. Вот только какой смысл маньяк вкладывал в него на этот раз?!

Руками в резиновых перчатках эксперт осторожно смахнул с лица убитой землю. Рот перекошен – явно от ужаса. Несладко умирать в двадцать лет, когда предстоящая жизнь видится нескончаемым праздником. Убитую положили на простыню. Покойнице-то, разумеется, все равно, но вот живым... Забота не великая, но за ней просматривалось извинение – прости, не уберегли.

Чертанов подошел к труп. Живот разрезан от середины и до паха двумя кривыми линиями, которые соединялись в одну глубокую рану. На груди еще один крупный порез. Обычно так рисуют нож. А это, как известно, ритуальный инструмент жертвоприношения.

Начальство привыкло общаться только с равными, а потому скоро генералы собрались в тесный кружок, о чем-то негромко разговаривая. Вокруг них мгновенно образовалось пустое пространство – эдакий круг метров в десять шириной. Невидимую линию никто не отваживался пересечь, даже начальники управлений, весьма уважаемые люди, проделывали замысловатые фигуры, обходя группу.

За оцеплением Чертанов рассмотрел Максима Мучаева. Не самый приятный сюрприз. В двух последних статьях тот асфальтовым катком прошелся по организованной группе по поимке маньяка, выставив Чертанова весьма в нелицеприятном свете. Так что дружба их оборвалась, едва начав-

шись. Михаил пытался разыскать оппонента, но Мучаев умело уклонялся от встреч. Было чрезвычайно обидно, что энергию, предназначенную на поиски преступника, приходилось растрачивать на журналиста, у которого в голове одни только «жареные» факты.

Мучаев размахивал руками, пытаясь привлечь к себе внимание, но Чертанов избегал его взгляда. Появление журналиста на месте преступления лишний раз доказывало, что в управлении у него имеется весьма серьезный источник информации. Ведь операция проходила под грифом «Секретно», а потому о мероприятиях, разворачивающихся в лесу близ Дмитровского шоссе, знало лишь ограниченное число лиц. Однако даже серьезный источник не мог помочь журналисту преодолеть круг оцепления.

Пускай потопчется, авось поумнеет! Боковым зрением Чертанов увидел, что Максим Мучаев, раскрыв удостоверение, что-то энергично доказывал офицеру, стоящему в оцеплении. Но документ не возымел на того ожидаемого эффекта. Он сонным взглядом поглядывал на суетящегося журналиста, а когда тот попытался пройти за ограждение, довольно бесцеремонно оттолкнул его. Несмотря на значительное расстояние, Чертанов готов был поспорить, что в этот момент раздался треск порвавшейся куртки.

– Михаил, – подошел Крылов.

Геннадий Васильевич был в форме, что случалось с ним очень редко. Надо отдать должное, она ему шла, впрочем,

как большинству толстяков. Наверняка женщинам, которым перевалило за сорок, нравилось видеть его в форме.

– Да, товарищ полковник.

– С тобой хочет поговорить Машковский.

Чертанов невольно посмотрел на генералов, теперь уже глядевших в сторону поляны. Никакого высокомерия и снобизма во взглядах. Впрочем, разве может быть иначе, когда смотришь на тела растерзанных девушек. Еще три неопознанных трупа... а ведь для кого-то они были любимыми, дочерьми. Где-то их ждут родители, все те, кто их любит, надеются на встречу, даже не подозревая о том, что ожидания эти тщетны.

Заметив приближающихся Крылова и Чертанова, начальник криминальной милиции, извинившись перед другими, шагнул им навстречу.

– Товарищ генерал-полковник... – ретиво начал Чертанов.

– Ладно, оставим эти политесы, – неожиданно прервал его генерал и протянул руку, – давай по-простому. Верно сказал Крылов, что это была твоя идея с поисками останков в этом районе? – И, не дожидаясь ответа, тут же спросил вновь: – Как догадался?

Но рука у генерал-полковника Машковского оказалась теплой, а рукопожатие крепким. Начальник криминальной милиции имел еще одну особенность – он был до неприличия молод. Его ровесники еще ходили в майорах, а он уже за-

брался на такую вершину. Чтобы сделать столь стремительную карьеру, одной головы, пусть даже самой светлой, было явно недостаточно, требовалось еще и колоссальное везение. Следовательно, генерал-полковник был любимчиком фортуны. Чертанову было известно, что в свое время тот окончил школу службы безопасности, а в нынешние времена это весьма серьезная стартовая площадка.

– В моей группе работает психотерапевт, он и подсказал, что на этом месте может оказаться целое кладбище. Как выяснилось, не ошибся.

– Хм, вот оно как... А ты молодец. Другой на твоём месте сказал бы, что подобная идея пришла к нему в результате долгих размышлений и бессонных ночей, а ты так запросто все заслуги передал какому-то неизвестному психотерапевту.

– Бессонные ночи тоже были, – осторожно заметил Чертанов. – А потом, этот психотерапевт не такой уж и неизвестный. В своей области он очень большая величина. В тридцать три года защитил докторскую диссертацию...

– И какая же тема? – любопытно спросил Машковский.

– Психология серийных убийц.

– Ого! Как его фамилия?

– Шатров.

Генерал-полковник слегка наморщил лоб:

– Я вроде что-то слышал о нем. И в чем там дело?

– Он вывел собственную теорию о психологии маньяков.

Очень нестандартную.

– Вот оно как. Значит, ты от него получаешь существенную помощь?

– Да, товарищ генерал-полковник. Шатров составил психологический портрет серийного убийцы.

– Насколько он правдоподобен? У Шатрова были подобные работы?

– Да. Он уже делал это, многие из них были точны на восемьдесят процентов.

– Ого! – поразился генерал. – Высокий процент. Каковы ваши дальнейшие действия?

– Будем исходить из имеющихся фактов и разработок психолога. Это единственное, что у нас имеется на сегодняшний день. Маньяк не оставляет после себя почти никаких следов.

Генералы, стоящие рядом, с интересом рассматривали Чертанова, но в беседу не вступали. По возрасту каждый из них годился бы Машковскому в отцы, но держались они с ним с заметным почтением, зная, как благоволит капризная удача молодому таланту. Если министр вдруг станет неугоден, так более подходящей кандидатуры на его место подобрать будет трудновато (надо отдать ему должное, несмотря на молодость, парень был настоящим профессионалом). Такой расклад каждый из них постоянно держал в уме. Кто знает, как повернется судьба! Так что следует дорожить хорошими отношениями, в будущем они могут сыграть хорошую службу.

Чертанов вдруг почувствовал себя в обществе генерал-полковника необычайно легко. Разумеется, не настолько, чтобы стоять перед ним со скрещенными на груди руками. Михаил вдруг осознал, что они из одного круга, и если вдруг он попросит у генерала сигарету, то тот не воспримет подобную просьбу как смертельное оскорбление.

– Вот как? – искренне удивился начальник криминальной милиции, посмотрев на Крылова. – А мне докладывали, что следы этого маньяка ведут в Зеленоград.

Полковник Крылов стоял с невозмутимым видом, словно сказанное относилось к кому-то постороннему. Чертанов невольно посетовал, ведь он всего лишь поделился с Геннадием Васильевичем своими неясными соображениями, но уж никак не думал, что они могут достичь ушей высокого начальства.

Рано расслабился! Кроме светлой головы, генерал имеет и железную хватку.

– Все верно, возможный след прощупывается. Только мы считаем, что пока рановато делать какие-то серьезные выводы, – мгновенно отреагировал Чертанов.

– Как ты считаешь, что нужно сделать, чтобы взять маньяка в самое ближайшее время?

– Мне кажется, нужно установить за этим местом круглосуточное наблюдение. Маньяк сюда непременно явится и обнаружит себя. Ведь он был здесь не раз, его явно сюда тянет.

– Для этого нужны люди?

– Да.

– Хорошо, – согласился генерал-полковник Машковский, – дам тебе людей столько, сколько потребуется. Еще есть какие-нибудь пожелания?

– Да есть...

– Говори.

– Психотерапевт, о котором я упомянул, работает в моей группе на общественных началах. Нельзя ли оформить его в штат на время операции.

– Хорошо, – легко согласился Машковский. – Если польза от него действительно реальная, тогда пусть работает на постоянной основе. Я не возражаю!

– Разрешите идти? – спросил Чертанов.

– Да, кстати, этот маньяк убивает только женщин? – неожиданно поинтересовался генерал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.